

**Военные преступления
украинских силовиков:
пытки и бесчеловечное отношение**

Второй доклад

Фотография на обложке: убитый в результате пыток сотрудниками СБУ 14 ноября 2014 года в г. Изюм гражданин Украины Александр Агафонов.

О сотрудниках СБУ жена убитого Яна сказала:

«Они его просто забили до смерти. Когда они приехали — они его пытали. Когда они привезли сюда тело — у него даже пятки синие были, подошва синяя была. У него на руках от уколов, от... я не знаю... под ногти ему там загоняли или уколы, или спицы какие-то — там дырки. На каждой косточке — дырка, дырка, дырки. Они его пытали так, как когда, наверное, была война, не пытали, как они его пытали».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ УКРАИНСКИХ СИЛОВИКОВ:

пытки и бесчеловечное
отношение

Второй доклад

Содержание

Введение	3
Часть I.	
Методы и обстоятельства применения пыток украинскими силовиками	6
Часть II.	
Пытки и бесчеловечное обращение: показания потерпевших	50

Введение

«Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение (второй доклад)» подготовлен негосударственной организацией Фонд исследования проблем демократии (директор — М. С. Григорьев) и Российским общественным советом по международному сотрудничеству и публичной дипломатии (председатель — С. А. Орджоникидзе) при поддержке Российского фонда мира (Л. Э. Слуцкий, Е. В. Сутормина), С. В. Мамедова, И. Н. Морозова, Е. Г. Тарло, Д. В. Савельева, А. В. Чеча и других членов Комитета общественной поддержки жителей Юго-Востока Украины.

Полученные с момента публикации первого доклада Фондом исследования проблем демократии данные позволяют утверждать, что практика пыток и бесчеловечного отношения со стороны Службы безопасности Украины (СБУ), украинских Вооруженных сил, Национальной гвардии и других соединений Министерства внутренних дел Украины, а также незаконных вооруженных формирований, таких как «Правый сектор», не только не прекратилась, но приобретает все более масштабный и системный характер.

Для расследования конкретных случаев применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения эксперты Фонда исследования проблем демократии фиксировали свидетельства тех, кто был передан украинской стороной при обмене

пленными. В подготовленном Фондом докладе использованы результаты опроса более чем 200 пленных, переданных украинской стороной. Опрос проводился экспертами Фонда в период с 25 августа 2014 года по 20 января 2015 года.

Захваченные подвергаются пыткам электротоком, жестоким и многодневным избиениям с помощью различных предметов (арматура, биты, различные палки, приклады автоматов, штык-нож, резиновые дубинки).

Украинскими силовиками широко практикуется пытка с помощью утопления, удушения с применением «бандеровской удавки» и другие формы лишения воздуха.

Зафиксированы случаи, когда в качестве средства устрашения пленным некоторых из них отправляли на минные поля и подвергали наездам военной техники, что приводило к их смерти.

Украинские силовики также практикуют такие методы пыток, как раздробление конечностей, колющие и режущие удары ножом, прижигания раскаленными предметами, выстрелы в различные части тела из стрелкового оружия.

На протяжении многих дней захваченные украинскими силовиками содержатся при отрицательной температуре, без питания и медицинской помощи, к ним нередко применяются приносящие мучения психотропные вещества.

Абсолютное большинство захваченных подвергаются имитации расстрела и угрозам убийства и насилия над членами семьи.

Большая часть подвергнутых пыткам не являются ополченцами Донецкой Народной Республики (ДНР) или Луганской Народной Республики (ЛНР).¹

Согласно определению Европейского суда по правам человека, Европейская конвенция по правам человека полностью запрещает использование пыток вне зависимости от любых других условий. Более того, законодательство ЕС исходит из того, что «государство несет ответственность за действия всех своих агентов, таких как по-

¹ В тех случаях, когда жертвы пыток являются ополченцами ДНР или ЛНР, в тексте доклада данный факт указывается.

лиция, спецслужбы и другие правоохранительные органы, а также любые другие государственные органы, осуществляющие контроль над тем или иным лицом, независимо от того, выполняют те приказ или действуют по своему усмотрению». В отличие от других прав, закрепленных Конвенцией, статья 3 не может являться предметом частичной отмены (оговорки) в случае войны или иной чрезвычайной ситуации, угрожающей национальной безопасности. Статья 15 (2) ясно исключает возможность какой бы то ни было частичной отмены или умаления статьи 3 в рамках Конвенции.¹

Полученные Фондом исследования проблем демократии данные позволяют утверждать, что украинские Вооруженные силы, Национальная гвардия и другие формирования Министерства внутренних дел Украины, а также Служба безопасности Украины (СБУ) систематически и намеренно нарушают статью 3 Европейской конвенции по правам человека: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Масштаб и системность применения пыток позволяют также сделать обоснованный вывод о том, что их использование является намеренной политикой этих структур, санкционированной их руководством.

---

¹ Совет Европы, Interights, «Руководство для юристов. Запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 3)».

ЧАСТЬ I.

Методы и обстоятельства
применения пыток
украинскими
силовиками

Жестоким и систематическим избиениям подвергается подавляющее большинство захваченных украинской стороной.

Например, пострадавший от пыток Роберт Анискин рассказывает: «В боевых действиях я не участвовал, в ряды ополчения не записывался, на блокпостах не стоял. Был задержан представителями батальона “Азов”. При задержании избивали прикладами. После допрашивали с применением электрошокеров и ударов куда попало. После этого меня привезли в СБУ Мариуполя с пакетом на голове, замотанным скотчем, с застегнутыми сзади руками, кинули на пол в подвале. В таком состоянии я провел больше суток. Надели дополнительный пакет и, прорезав отверстия для дыхания, начали допрос. Бросив меня на пол, 3–4 человека избивали меня ногами и кастетом по телу.

Моего товарища бить не стали, а взяли в заложники его жену и моих родных — мать, сестру, племянницу».

Ополченец Андрей Рунов рассказывает о том, как пытали его и его товарища, которого после пыток парализовало: «С 23 на 24 ноября захвачен у себя дома подразделением “Айдар”. Нас привезли в аэропорт Мариуполя. Там нас пытали и били до такой степени, что мы теряли сознание. Били по пяткам, по ребрам, по голове. Хотели сломать ноги, грозились отрезать уши, выколоть глаза. Товарищу отбили все внутренности, проломали череп, после чего его парализовало».

Житель Тернополя Игорь Покровский рассказывает, как сотрудники СБУ избивали его прямо в здании суда: «Я был задержан сотрудниками СБУ в Тернополе 4 сентября 2014 года. На суде, который состоялся 8 сентября 2014 года, был избит прямо в здании суда сотрудниками СБУ».

Пострадавший Андрей Полонь рассказывает, как его избивали и подвешивали на крюк в СБУ: «Нас задержали сотрудники СБУ, переодетые в форму ГАИ. Отвели в блокпост, угрожали, приставляли оружие, говорили: “Мы тебя сейчас застрелим, нам за это ничего не будет”. Угрожали пытками током, били ногами в голову, это там же, на посту. Наручники постоянно были натянуты настолько, что руки синели. Отвезли в СБУ, там продолжилось то же самое, только с использованием уже пластиковых бутылок, наполненных водой, наручники сзади — и на крюк. Позабирали абсолютно все — все личные вещи, телефоны, деньги, карточки — все, что было. Ничего не вернули, даже когда мы выходили на обмен».

Пострадавший от пыток украинских силовиков Александр Рябченко свидетельствует: «...меня распяли в раздевалке на сетке-рабице и каждый час приходили — били ногами. На следующий день отвезли в Дебальцево. Там меня отвели к старшему следователю, и он спросил, буду я сотрудничать или нет. Я сказал, что мне нечего говорить, что я ничего не знаю. После этого он вызвал своих трех помощников и дал им задание, чтобы выбили из меня все, что нужно. Они связали мне руки за спиной и подвесили на дверь, а на правую ногу надели веревку и подвесили ее за ручку другой двери так, что я стоял на одной левой ноге. Вдвоем стали бить ногами по моей левой ноге. Потом вывели в коридор, связали руки за спиной скотчем, привязали веревку к рукам и за правую ногу подвесили. Надели черный пакет на голову и избивали, пока я не потерял сознание».

Ополченец Сергей Черныш тоже рассказывает, как его подвешивали на цепи в наручниках: «Нас захватили около Луганска, отвезли на площадку вертолетную, потом перебросили вертолетом на другую площадку. Оттуда поместили нас в яму, моему товарищу

Александрю больше доставалось ввиду того что при приемке ему сломали нос, били прикладом по голове, разбили голову, сломали челюсть. Потом нас снова перегрузили в вертолет — и в Краматорск.

В Краматорске, естественно, снова в ямы; скованными в наручниках подвешивали цепями кверху и избивали. Потом перевезли в город Изюм, отвели в подвал, мешок на голове, пристегнули наручниками к батарее, растянули на растяжку. Руки онемели, так как это продолжалось в течение трех дней. Отвезли в СБУ, там уже все это сняли, перевязали и обработали руки. Потом нас обменяли».

Ополченец П. Степаненко рассказывает о том, как его пытали в аэропорту Мариуполя: «Мы сидели в яме и в нас бросали блоками. Потом достали и избивали прикладами автоматов. В конце били ногами и палками». Ополченец Александр Марченко свидетельствует, как его пытали украинские военнослужащие 25-й аэромобильной бригады: «Били прикладами по голове и по всему туловищу. Сломали ребра и отбивали ноги в коленном суставе».

Пострадавший Артур Нужненко рассказывает: «Я был задержан 16 октября около своего дома. Во время допроса следователь сказал мне, чтобы я встал на колени. Приказал разуться и стал бить мне по ступням, спине и голове палкой. После этого он сказал, что палки мне мало, ушел и вернулся с электрошокером, которым тоже стал меня бить».

Пострадавший Юрий Новосельцев говорит: «После “неваляшки” меня отвели в помещение бетонное 1,5 на 2,5 метра, пристегнули наручниками к анкерной скобе на стене, посадили, сняли повязку. Через некоторое время туда пришел человек в камуфляже, не представляясь, начал спрашивать, кто я, откуда я, как я сюда попал, почему попал. Он показал шеврон на левом рукаве, зеленый, со знаком укропа, говорит: “Я горжусь, что я украинец”. У меня забрали деньги, золотые украшения: обручальное кольцо, венчальное кольцо, цепочку, крестик. Со мной разговаривал вроде бы вежливо, без угроз, сказал, что я вру, развернулся, ушел. Через некоторое время за мной пришли двое военнослужащих Украины уже в камуфляже,

на руках у них были желтые повязки, и начали меня избивать. Избивали ногами и кленовой палкой, свежесрезанной из дерева. Удары в основном наносили выше колен до лица, по рукам, избивали до тех пор, пока я не упал. Потом они успокоились, ушли, через некоторое время пришел опять офицер и сказал, что, если я не буду разговаривать, это будет повторяться регулярно и постоянно.

Ночью практически каждые два часа военные в балаклавах регулярно, постоянно и профессионально нас избивали. Все спрашивали, не агент ли я ФСБ».

Ополченец Юрий Слюсарь рассказывает, как его избивали цепью от бензопилы и угрожали подвергнуть пыткам жену и дочерей: «4 ноября был задержан сотрудниками подразделения “Азов” и СБУ на работе в г. Дружковка. Был доставлен в Краматорск. Били по голове руками и ногами, цепью от бензопилы, стреляли возле головы, угрожали, что следующая пуля будет в голову или прострелят ногу. Унижали, говорили, что изнасилуют. Обещали привести жену и двух дочерей и издеваться над ними на моих глазах. В течение трех суток не мог есть. Из еды давали только воду и сухари».

Ополченец Валерий Яковенко был захвачен 27 июля 2014 года. Он рассказывает: «Я был доставлен в центр АТО Краматорска, где подвергался избиениям. Поднимали меня вчетвером и с силой бросали на пятую точку на бетон. После того как случился сердечный приступ, я потерял сознание.

Придя в сознание после облива водой, я услышал разговор и увидел лица пытавших меня, так как с глаз спал мешок. Руководил допросом шатен ростом 182–187 см, позывной “Хирург”, зовут Андрей (черная борода). Ориентировочно уроженец Киева, имеет медицинское образование. Второй и третий отзываются на позывные “Викинг” и “Игрек”. По национальности чеченец, звание майор. Два или три раза пытался мне отрезать уши штык-ножом, но не стал. Еще один, тоже чеченец, разговаривал с “Викингом” по-чеченски, был в балаклаве.

За время нахождения в центре АТО насчитал 17 пусковых установок “Точка-У” и четыре установки “Смерч”. За это время

ВСУ провело шесть залпов в стороны Горловки и Луганска. 19 сентября меня избивал начальник контрразведки Долучаев Олег Владимирович».

Пострадавший Николай Хмарук был захвачен батальоном «Донбасс» у себя дома 28 сентября. Он свидетельствует: «Меня похитили из дома каратели и переправили на Краматорский аэродром. Меня там допрашивали с применением физической силы: побои головы, ребер, ног. 1 октября был доставлен в Харьковское СБУ. Меня избивали, и после допроса я провел ночь в бессознательном состоянии».

Многие из пострадавших от пыток свидетельствуют, как подвергались избиениям со стороны украинских силовиков на протяжении нескольких дней.

Например, пострадавший Герман Мандриков рассказывает: «Я лицо сугубо гражданское, участия в боевых действиях не принимал, но следователи СБУ под пытками заставили меня оговорить себя.

В начале октября поехал проведать мать. Был задержан неизвестными. Отвезли в аэропорт Мариуполя и там в течение трех суток я подвергался нечеловеческим пыткам. В качестве методов морального и физического подавления ко мне применялись пытки электрическим током, удушение целлофановым пакетом, удары железной монтировкой по ногам, обливание ледяной водой и т. д. На камуфляжной форме тех, кто меня пытал, были нашивки карательного батальона «Азов».

Они угрожали изнасиловать мою мать и невесту. Не выдержав нечеловеческих мук, я подписал, не глядя, какие-то бумаги».

Ополченец Элвин Соидов рассказывает: «Кололи, били молотком, жгутом и шлангами 24 дня. На 25-е сутки отвезли в СБУ Мариуполя и там избивали».

Пострадавший от пыток Игорь Мирошниченко собирал информацию о нарушениях прав человека на Украине и был захвачен СБУ: «Ко мне домой ворвались сотрудники спецподразделения «Альфа» и арестовали меня. Отвезли в Славянск, в общежитие колледжа. На протяжении шести дней меня пытали и били».

Пострадавший от пыток украинских силовиков ополченец Сергей Белый (56 лет) рассказывает о том, как его избивали в течение трех дней: «Меня ударил один из них резиновой палкой по пояснице, и я потерял сознание. Когда я очнулся, стали задавать мне вопросы о моих товарищах. Я ничего не отвечал, тогда меня стали бить по пяткам, и это продолжалось еще три дня».

Ополченец Сергей Кучеров поехал в г. Славянск, чтобы вывезти мать и брата в Россию. Он рассказывает: «Задержали меня в кафе Славянска и отвезли в Краматорск на аэродром. Семь суток меня избивали, кидали гранаты в подвал, выводили на расстрел, стреляли куда-то и говорили, что следующая пуля моя. Били везде, но больше всего по ногам. В результате зашивали правую ногу».

Ополченец Андрей Рунгов рассказывает: «Меня взял в плен батальон "Айдар". Отвезли в город Мариуполь, в аэропорт. В первый же день меня повели на допрос, где практически я и не понял, что они от меня хотели. Меня били, отбивали пятки, душили, пакет на голову надевали, я думал меня задушат. Били по голове, отбили все внутренности. Ребра до сих пор болят. Грозилась отрубить уши, выколоть глаза, электрошокером меня тоже пытали. В основном по голове били, били и по телу, по ребрам били. Или дубинами, или прикладами. Скорее всего, прикладами, потому что очень больно и жестко было. Целую неделю так били. Я думал, я там и останусь».

Грозил семей. У меня дедушка, 93 года, который провоевал, прошел войну, им тоже грозили. Да, семей грозили, говорили, что дочке уши поотрезают».

Захваченные женщины при этом нередко подвергаются изнасилованиям. Пострадавший от пыток Юрий Новосельцев рассказывает, как около его помещения военнослужащие Украины с западно-украинским акцентом избивали и насиловали захваченную женщину: «В одну из ночей я услышал, как избивали женщину, она кричала. Эти молодые военнослужащие (от 18 до 25 лет, не старше) разговаривали на украинском языке с западным акцентом, то есть некоторые слова были вперемешку с польскими. Потом эти молодчики (насколько я понимаю, их по голосам было

около четырех-пяти человек) глумились над ней, то есть насиловали, избивали, при этом ржали, как лошади, это был нечеловеческий смех, то есть они были то ли под наркотическим воздействием, то ли под алкогольным. Они получали большое удовольствие, избивая ее, насилуя. Что именно было, я потом услышал уже от нее сам. Даже просто то, что я слышал, для меня, как для человека, это было унижительно».

Согласно свидетельствам пострадавших, Украинская армия, Национальная гвардия, различные формирования Министерства внутренних дел и Служба безопасности Украины используют целый арсенал пыток.

Например, достаточно часто пострадавшие рассказывают, что их пытали с помощью колющих и режущих ударов ножами.

Ополченец Дмитрий Клименко свидетельствует: «Я был захвачен 8 июля 2014 года батальоном “Донбасс” у себя дома. При аресте я потерял сознание. Очнулся в машине с мешком на голове, меня начали пытаться. Били ногами по корпусу в районе ребер, сломали три ребра. Били ногами в голову, после чего я снова терял сознание.

Очнулся от того, что меня поливали водой. Достав нож, один из батальона “Донбасса” начал бить меня ножом в ногу, продолжая допрос. После этого другой принялся наносить мне удары электрошокером. Вся эта инквизиция продолжалась десять часов.

Утром они пришли снова продолжать допрос, нанося удары по корпусу ногами, по ребрам. После чего я понял, что ребра сломаны. Не выдержав боли, я сказал им, чтобы прекратили избиения. Если нет, чтобы пристрелили. Один из них мне сказал: “Я исполню твое желание”, — и ударил в голову. Я упал лицом в землю, услышал передергивание затвора и очередь в землю. Поняв, что я ничего не скажу, надели мешок на голову и повели в машину, где положили в багажник. Отвезли меня куда-то и ввели в кабинет. Я сразу понял, что это СБУ. В СБУ я провел двое суток. После этого меня провели в здание суда, где меня подвели к адвокату. Поговорил с ним, пришел следователь. Завели меня в суд. На процессе судья не обращал внимания на мои увещья, которые были явно видны».

Ополченец Юрий Симаков рассказывает: «Я был арестован у себя дома сотрудниками СБУ и милиции. Был доставлен в горотдел милиции Дзержинска. Там меня избивали, порезали ножом правую ногу. После этого перевели в Харьков, где поместили в тюрьму. Там подговаривали эзков, чтобы они над нами издевались».

Пострадавший Александр Ткаченко рассказывает, как бойцы батальона «Днепр» резали его ножом и пытали электротоком: «13 ноября я был задержан бойцами батальона “Днепр-1”, после чего перевезен в большое строение в частном секторе, предположительно в поселке Мирный. Во время пыток они использовали электрошокеры, металлопластиковые трубы, которыми они меня избивали. Били прикладами автоматов и ногами. Резали меня ножом. Угрожали физической расправой над членами моей семьи и родственниками».

Ополченец Иван Залутный свидетельствует, как его пытали электрошокером и делали на его теле порезы ножом: «У солдат ВСУ я находился с 19 по 23 октября. Украинские солдаты пытали электрошокером, били гранатой по голове, связывали и угрожали ножом, делали порезы».

Ополченец Владимир Арефьев рассказывает, как его пытали штык-ножом и перфоратором: «Я был ранен в грудь осколками, попытался вылезти из машины, начал терять сознание. Очнулся в больнице Артемовска, где узнал, что город под Нацгвардией. Из больницы меня забрали трое в масках. Когда я отказался говорить, начали бить палкой по телу, а также руками и ногами. На протяжении трех часов продолжались избиения, после чего пытались два раза расстрелять».

Под вечер еще раз избили руками и ногами и выстрелили в ногу с травмата. Закинули в яму, приковали наручниками, оставили на двое суток. В течение недели с перерывом на обед вызывали на допрос и снова били. Били полностью повсюду. Надевали полотенце на рот и нос, закидывали голову, заливали водой. Сидел на стуле с привязанными ногами и пристегнутый наручниками. Пытались перфоратором просверлить ногу. Штык-ножом тыкали в руку».

Ополченец Игорь Козлов рассказывает: «18 июля был задержан на блокпосту ВСУ в районе Попасной. Били, пытали, пытались отрезать ухо».

Ополченец Александр Кашенко был захвачен батальоном «Днепр» 13 ноября 2014 года и подробно рассказывает, какие пытки применяли к нему украинские силовики: «Меня избивали с кульком на голове, избивали металлопластиковыми трубами, по двое, по трое, били по голове, по спине, по ногам, по почкам. Душили кульком, то есть перекрывали мне кислород, дальше били меня электрошокером. Били прикладами автоматов и ногами, обутыми в армейские сапоги. При этом они мне сломали ребра. На голове у меня было после избиения шесть рассечений от металлопластиковой трубы.

Били молотком. Повреждены пальцы, руки, кость на кисти. Два раза терял сознание. Избиения продолжались не один день.

Они меня начали резать ножом, задавая вопросы, которые их интересовали. Они мне вставляли нож в ногу, потом выворачивали, потом еще глубже, глубже вставляли, еще проворачивали и еще глубже. Потом пытались отрезать пальцы».

Целый ряд пострадавших свидетельствуют, что используются такие пытки, как прижигание тела с помощью горелки или раскаленных предметов, выжигание на теле арестованных различных надписей.

Например, ополченец Александр Пискунов рассказывает, как украинская Национальная гвардия жгла его горелкой и подвешивала за руки: «Мы попали на засаду, нас захватила Национальная гвардия. Трое суток над нами издевались без перерыва, били, жгли, вешали. Меня жгли, я так понял, что горелкой, мешок был на голове.

Меня подвешивали за руки, еще даже не зажали шрамы, правая рука — немая, я ее не чувствую. Ребра еще болят. Избивали ногами, сзади руки пристегивали, привязывали к пальцам кольцо гранаты, и надо было сидеть. Если пошевелюсь, то, само собой, выдергиваешь чеку. Нужно было сидеть ночь, чтобы не шевелить-

ся, потому что выдернешь чеку. Приходилось сидеть, хотя иногда хотелось даже вырвать. Просил застрелить, но они говорили, что это легкая смерть, хотя не один раз ставили к стенке, приставляли пистолет к голове, нажимали на курок, это просто щелчок был, выстрела не было. Некоторые просили даже, чтобы пристрелили, чтобы не мучили. Но они говорили, что для нас это легкая смерть, что мы нелюди, что предали свою страну. Это не люди вообще, это звери».

Ополченец Станислав Станкевич рассказывает, как его пытала Национальная гвардия, — на груди раскаленной цепью ему выжгли слово «сепр» (сокращенное от «сепаратист») и раскаленным штык-ножом немецкую свастику на ягодице: «24 августа 2014 года мы ехали проводить человека до границы. По пути машину расстреляли. Нас двоих, меня и водителя, увезли в Краматорск, где пытали, допрашивали, избивали, избивала Национальная гвардия. Выжигали на груди цепью раскаленной надпись “сепр” и на ягодице немецкий крест. После трех дней избиения отвезли в службу безопасности в городе Харькове. Сутки мы пролежали на каменном полу в туалете, только потом запустили нас в общие камеры. Лечились на свои деньги. Отпустили вчера вместе со всеми. Служба безопасности Украины выделила 1500 гривен на лекарства, чтобы зажило все, выжигали цепью».

Михаил Любченко, ополченец ДНР, захваченный в плен в районе г. Волновахи, рассказывает: «Потом, когда перевели в СБУ, приезжали еще люди. Показывали выжженное на теле слово “сепар”, свастика на ягодице, звезда на спине. И все ожоги 3-й степени».

Пострадавший Роман Банных рассказывает: «Я был задержан 5 апреля 2014 года при прохождении границы. В Харьковском СИЗО познакомился с человеком, которому поджигали пятки каленым железом. В настоящее время я его судьбу не знаю. В автобусах на обмен его с нами не было».

Используются такие формы пыток, как раздробление тех или иных частей тела. Например, ополченец Алексей Стенов, попавший в плен 26 августа 2014 года, рассказывает, как военнослужащие

Украинской армии кувалдой и молотком его били по пальцам ног и коленям: «Когда в плен попал, положили лицом на землю, я только услышал: “Берем вот этого большого, маленького и старого, остальных в расход”. А группа наша была в составе девяти человек. Нас поместили в БТР и увезли меня в неизвестный населенный пункт, потом я из разговоров понял: какой-то 11-й разведбат.

Там нас кувалдой били по пальцам ног, молотком по коленям били, соответственно по ногам, черенками от лопат били... ночью привязали к какой-то ограде, раздели до трусов и всю ночь обливали холодной водой. С утра продолжили избияния, ближе к обеду нас увезли в какой-то штаб, где избияния продолжились. Потом в СБУ города Изюма уже относились чуть-чуть попроще. Кормили когда один раз в день, когда два, когда просто забывали. А потом уже обменяли».

Ополченец Олег Фурман также рассказывает, как он подвергался жестоким пыткам, а его товарищу украинские военнослужащие разбивали кувалдой пальцы ног: «Нас задержали на блокпосту. Сначала нас не били, потом приехали люди из какого-то карательного батальона, началось сразу же избияние. Рассекли губу, прыгали на грудной клетке, прыгали на спине, били прикладами и били стволами автоматов по позвоночнику. Нас троих связали, набросили мешки, погрузили в БТР, пятерых товарищей расстреляли на блокпосту. Нас привезли в расположение, и избияние продолжилось, обливали водой. Вечером посадили в какой-то сарай, потом еще одного товарища посадили со мной же. Третьего товарища на улице пытали. Ему разбили кувалдой пальцы ног, обливали холодной водой ночью. Утром нас погрузили в автомобиль, при этом набросив мешки и связав скотчем глаза. Привезли в какое-то место, где избияние продолжилось, то есть избивали по несколько человек. Били резиновым шлангом по спине. Потом загрузили опять в машину, привезли в штаб в городе Краматорске, где избияние продолжилось. Били группой по три-четыре человека, били электрошоком, ставили на колени в мешке, стреляли возле уха. Потом пришел их командир, забрал нас всех и посадил нас в яму на цепь, на-

дели наручники. Сидеть я не мог, стоять я не мог, то есть я висел на этой цепи, потому что у меня были сломаны ребра и пальцы рук».

Пострадавший Олег Стетасов рассказывает, как сотрудники СБУ угрожали отрезать ему пальцы и раздробить молотком ноги: «В конце ноября меня задержали в Харькове. Был доставлен в Харьковское СБУ. При допросе били по почкам, пытаюсь добиться нужных показаний. Так я провел одни сутки, после чего меня перевели в аэропорт Мариуполя, где меня во время допроса пытали электрошоком, били милицейской дубиной по рукам и ногам. Угрожали, что если я не дам нужных показаний, то они привезут мою маму, младшего брата и старшую сестру и убьют их на моих глазах. Требуя нужных показаний, угрожали отрезать пальцы на руках, разбить молотком ноги».

Пострадавшие от пыток отмечают, что армия и правоохранительные органы Украины системно использует такой метод пытки, как «утопление». Ранее этот метод использовался американскими спецслужбами.

Ополченец В. Попов рассказывает, как использовали пытку утоплением: «Меня схватил батальон “Шахтерск” и отвез в линейный отдел. Там меня пытали. Положили на спину и заливали воду в рот. Я захлебывался. Потом приводили меня в чувство. Хотели меня застрелить».

Пострадавший от пыток Сергей Скидан рассказывает, как его пытали сотрудники СБУ — подвергали утоплению и использовали электрошок: «Задержан сотрудниками СБУ 11.09.2014. Привезли и стали избивать, топить, вести перекрестный допрос, били током. Я потерял сознание, после чего очнулся в какой-то камере. Через некоторое время все повторилось снова и меня опять бросили в камеру. Через некоторое время пришел человек и спросил, что я хочу передать своей семье, поставил меня на колени. Между лопаток — пистолет. Я услышал шелчок, после чего он сказал, что в следующий раз будет по-другому».

Например, 18-летний пострадавший Влад рассказывает: «Я приехал из Донецка домой. Днем мне позвонила знакомая

и предложила встретиться. Со мной еще были трое друзей. Только из такси выходим, подъезжает микроавтобус и сразу нас схватили. Мешок на голову — и потащили. Начали сразу допрос: уложили на спину, положили сверху тряпку и водой заливали. Руки в наручниках, я перевернутый. Руки сзади на спине, и я лежал на спине. Я уже терял сознание, потом откачивали. Три раза делали и каждый раз откачивали. Потом снимали меня на видео, как я давал показания. Отвезли к следователю, писали протокол, что я возил на скорой помощи и собирал раненых в Донецке».

Пострадавший от пыток Денис Гаврилин, задержанный украинской Нацгвардией 31 июля 2014 года и переданный батальону «Азов», также рассказывает: «Глаза были завязаны, клали на лицо полотенце или тряпку. Я не видел. Руки при этом были прикованы сзади. И, держа меня сзади за голову, положив мне на лицо тряпку, поливали сверху. Не знаю из чего — из бутылки, из чайника... Состояние — утопление. Потом приводили в чувство. Ну и так далее».

Пострадавшими от украинских силовиков отмечаются и другие формы пыток посредством лишения их воздуха с помощью целлофановых пакетов, противогазов и т. д.

Ополченец Андрей Шеремет рассказывает, как его лишали воздуха с помощью пакета на голове, а также пытали паяльником и током: «После задержания меня отвезли в горотдел, где меня начали пытать — делали “ласточку”, надевали пакет на голову. Дней через пять за мной приехали на машине нацисты из национальной гвардии, в масках, надели пакет на голову и отвезли за город в какой-то дом, где началось: током пытали, паяльником, пакет на голову, душили. Потом вывели на улицу, приставили автомат к голове и сделали выстрел».

Ополченец Геннадий Анисимов рассказывает, как ему угрожали расстрелом его семьи, а его самого топили и душили: «Захвачен сотрудниками СБУ 20 октября 2014 года в с. Константиновка. Меня увезли в неизвестном направлении. После приезда завели в какой-то контейнер и начали избивать ногами, руками, палками. В костер кидали, топили, душили, выводили расстреливать. Сотрудники

СБУ меня избивали каждый час 10 дней, потом привезли в Мариупольское СБУ и посадили в подвал. Там бить стали меньше и давали разные бумаги, чтобы я подписал то, что я не делал. Они сказали, что мою семью расстреляют, и я подписал какую-то стопку бумаг».

Владимир Ладцев из Одессы свидетельствует о том, что следователь СБУ Исламов также душил его пластиковым пакетом и угрожал подвергнуть пыткам его жену: «Я был задержан СБУ 24 октября в 6:30 утра. За спиной застегнули наручники и избивали до 14:00. В избиении участвовал следователь СБУ Исламов. Кроме избиений, ко мне применялась пытка током, целлофановым пакетом меня душили, надев на голову. Были угрозы, что будут применены пытки и к моей жене».

Пострадавший Леонтий Лазарев свидетельствует, как его пытали с помощью противогаза с перекрытым притоком воздуха: «4 ноября ко мне домой ворвались вооруженные солдаты 71-й воздушно-десантной бригады. Ударили мою жену, повалили меня на живот. Три человека, запрыгнув сверху на меня, начали прыгать по мне и топтать меня ногами. После этого, не найдя ничего в моем доме, солдаты надели мне на голову мешок, связали руки и вывезли за село. Избивали меня ногами. Через какое-то время подъехала легковая машина СБУ и меня увезли на ней в неизвестном направлении. Один из тех, кто был в машине, сказал мне, чтобы я обращался к нему “Есаул”. Через какое-то время мы остановились, меня вывели из машины и выстрелили над головой. Потом ударили по голове чем-то тяжелым, и я потерял сознание. Очнулся, когда меня вытаскивали из машины. Завели, посадили на скамейку, и “Есаул”, ничего не говоря, начал избивать меня металлическим прутом.

Он надевал мне на голову противогаз, пока я не начал задыхаться. Мне пришлось подписать их протоколы, которые я даже не смог прочесть и которые являлись основанием для возбуждения против меня уголовного дела и содержания под стражей в СИЗО Мариуполя».

Ополченец Радик Удовиченко рассказывает, как его душили веревкой и кидали в воду со связанными руками: «Я был аресто-

ван на блокпосту Славянска 8 октября 2014 года по причине отсутствия документов. После ареста отвели в помещение и начали бить, душить веревкой, кидать в воду со связанными руками, стреляли из пистолета, угрожали отправить в “Правый сектор” на истязания или убить. Заставляли подписывать документы о том, что я убивал военнослужащих Украины и стрелял в БМП и БТР. 12 октября перевели в Полтаву и поместили в подвал СБУ. Следователем была Оксана Савченко. Регулярно два раза в день избивали».

Пострадавший Павел Зейферт свидетельствует о том, как его пытали, — сотрудники СБУ не давали ему дышать: «Был арестован сотрудниками СБУ. Били битой по рукам, надевали пакет на голову и не давали дышать. Надевали противогаз и не давали дышать».

В качестве орудия устрашения и пыток используют и так называемую бандеровскую удавку.

Захваченная 15 октября 2014 года медсестра Ольга рассказывает: «Когда допрашивали в СБУ, один показал железную проволоку, как спираль. Спрашивает: “Знаешь, как это называется? Это бандеровская удавка. Я тебя буду ей душить, пока не будешь говорить”».

Ополченец Евгений Павлюк, захваченный 10 сентября 2014 года сотрудниками СБУ, рассказывает: «В СБУ мне накидывали бандеровскую удавку на шею, били ногами, прикладом по голове, прикладом по почкам, надевали мешок, лили воду. И потом уже в следственном изоляторе били по голове Уголовным кодексом Украины».

Стандартным методом пыток Украинской армии и СБУ является использование электрического тока. Например, пострадавший Антон Лазуренко рассказывает: «В ополчении я не состоял, отношения никакого не имел, помощи не оказывал. 29 октября 2014 года в 20:00 рядом с подъездом собственного дома меня забрали СБУ и отвезли в штаб АТО Краматорска. Там ко мне применялась физическая сила для того, чтобы я подписал свое участие в ополчении ДНР. Применяли деревянную битую, электрическую динамо-машину, избивали руками и ногами. Я просил, чтобы меня расстреляли, на что они ответили, что если я не подпишу ими выдуманные исто-

рии про мое участие в ополчении ДНР, то они поедут и расправятся с моей беременной гражданской женой. После этих слов я сдался, и мне пришлось подписать их истории. В дальнейшем они стали как мои собственные показания».

Ополченец Валерий Карлов был захвачен 6 ноября. Он рассказывает: «Привезли меня, я именно не видел куда, у меня пакет на голове был. Потом ушли, и буквально через 10 минут пришли. Они начали бить меня. Твердым чем-то били. И все, у меня потемнело в глазах, и я уже очнулся, и я, значит, опять сижу, и начался допрос. Так я падал несколько раз. На следующий день они так же пришли, то же самое продолжили, но только они еще и электрошокером. В спину, в ноги били электрошокером, также несколько раз падал, терял сознание».

Ополченец Евгений Гомзяк рассказывает: «Я был схвачен у себя дома бойцами ВСУ. При задержании надели на голову мешок. Меня посадили в машину и везли два часа. Все это время били по ребрам, по ногам, по голове. Руки были в наручниках.

После чего меня завели в какой-то подвал и начали мучить электрошокером. Потом присоединили какие-то провода и били током. Потом кинули куда-то размером полметра на два метра и держали там трое суток. Пытал кто-то с кавказским акцентом. Еще слышал позывной “Танс”. Меня пугали тем, что отправят на органы. Стали запугивать тем, что привезут сюда моего сына. После этого я подписал обвинения. Только после этого меня передали в СБУ».

Пострадавший Анатолий Андреев рассказывает: «Я был задержан ВСУ на маршрутном автобусе около с. Николаевка. В камере меня постоянно избивали, два раза выводили на имитацию расстрела. Применяли электрошокеры, от прикосновения которого, бывало, падал. Все это снимали на портативную видеокамеру».

Игорь Лямин, захваченный 14 сентября 2014 года, рассказывает: «Последний раз они 20 минут продержали на ломике, сняли, начали обливать водой и бить током, электрошокерами».

Пострадавший Станислав Щедровский, задержанный представителями батальона «Азов», также рассказывает об этой методи-

ке: «В процессе избивания были сломаны ребра, нарушена грудная клетка и повреждены легкие. Потом меня отвезли в суд. Там я под угрозами подписал документы. Я их даже не мог прочитать. Постоянно избивали, угрожали. Они клали мокрую тряпку на меня и включали электрошокер. Это происходило часто. Пробили грудную клетку. Впоследствии была операция на легких. Били по голове, рукам. Голова опухла, рука не двигалась, ребра сломаны почти все, печень смещена».

Ополченец Роман Синько был захвачен 14 августа. Он рассказывает: «У меня на телефоне была заставка ДНР, из-за которой меня сняли с автобуса. Меня вывели из автобуса и заставили прыгнуть в окоп до разбирательства. Пока находился в окопе, подходили военные и по очереди избивали меня. Потом меня отвезли в Волноваху, закинули в камеру и начали избивать, пытаюсь что-либо узнать. Утром следующего дня меня завели в какую-то пустую комнату и опять начали избивать. Подключали электроток, подвешивали.

На следующий день допрашивал следователь. Отвели в другую камеру, сняли пакет и наручники, положили передо мной бумаги и сказали — подписывай, иначе живым отсюда уже не выйдешь. Прочсть эти бумаги не дали. Потом надели пакет на голову, наручники и сказали, что едем в суд. Если скажешь, что мы тебя пытали, то после суда в живых не останешься. На суде в Мариуполе я понял, что находился в СБУ Волновахи».

Ополченец Александр Своеволин рассказывает, как его тоже подвергали пыткам электротоком: «Ворвались в дом, связали руки фиксирующей пластмассовой лентой и уложили в микроавтобус, порядка двух часов везли. Вывели из микроавтобуса, и я услышал, что кого-то проводят рядышком и по отношению к этому человеку они очень негативно настроены. Кричали, угрожали, я услышал выстрел. И звук падающего тела. Потом я услышал: “Что вырыл такую маленькую яму?”

Меня привели в подвал, усадили на ступени, пристегнули наручником сзади руку к трубе. Минут через пятнадцать я услышал, что выводили еще какого-то человека, тоже на него кричали, угро-

жали в этом плане, и опять я услышал выстрелы. И опять звук падающего тела.

После чего ко мне периодически заходили и избивали ногами, кулаками в область головы, тела. Облили водой, привязали колени к руке, разули и один контакт был на руке, другой на ноге. В течение всего этого времени, где-то ориентировочно часов с 12, точно не помню, до вечера следующего дня, ориентировочно часов до 17–18 и в течение всего этого промежутка были допросы, были пытки. Мне присоединили провода от аккумулятора к руке, облили водой и били током. Я терял сознание, как только отойду, они обливают водой и через время опять допрашивают.

Еще помню, как привели меня на допрос, вложили в руку гранату и зажали. Я так понял, для оставления отпечатков на ней, после чего с меня сняли шапку и начали допрос. Когда производились пытки, они сказали, что у них есть такой террариум, куда бросают людей и ничего после них не остается».

Пострадавший Егор Харитонов рассказывает, как его пытали электротоком в батальоне «Азов» и приводит пример того, как украинская сторона, стремясь скрыть факт пыток, отказалась передавать его товарища на обмен пленными: «Доставили в аэропорт Мариуполя, где 3–4 человека из батальона “Азов” меня избивали. Били по голове прикладом автомата, по носу, по рукам, по паху ногами. Опускали в яму глубиной 3–4 метра и кидали шлакоблоки и камни. Попадали по голове, спине, рукам и ногам. Стреляли над головой, прикручивали к ногам провода и пропускали электрический ток. Тушили бычки и просто издевались. Потом отвезли в СБУ Мариуполя, где продолжили избиения. Перед обменом моего товарища оставили в больнице, после того как при осмотре перед обменом нашли, что у него ребром пробито легкое после пыток».

Ополченец Андрей Лысков рассказывает, как его пытали электротоком члены организации «Патриоты Украины»: «Меня избивали в аэропорту Краматорска. Их было трое, они представились как “третья сила” и что они “Патриоты Украины”. Чем именно били, я не видел, так как были завязаны глаза. Пытали током».

Ополченец Игорь Карпов рассказывает: «Был захвачен неизвестными 6 ноября у себя дома в присутствии жены. Привезли в подвал какого-то дома. Во время допроса меня избивали, и я терял сознание. Били чем-то жестким в район спины, по ногам и голове. В этот день я несколько раз терял сознание. Последний раз, когда я очнулся, я уже лежал на таре, пристегнутый наручниками к водяному вентилю. На следующий день допрос продолжился, но к избитию еще добавился электрошокер».

Пострадавший от пыток Юрий Новосельцев рассказывает, как к нему применяли такой прием пыток, как «неваляшка»: «Взяли меня по доносу просто из-за того, что я остался в городе. Брали Нацгвардия и СБУшники. Они привезли меня в Краматорск и трое с половиной суток издевались. Кленовой палочкой избивали от локтей до шеи и коленки. Полностью фиолетовое все тело. При этом были удары в живот, внутренние кровотечения. Потом они делали из меня “неваляшку”, то есть два человека заходят, бьют прикладами по голове. Один спереди, другой сзади, справа и слева, потом наносится удар ботинком в живот, и теряешь сознание. Валялся на земле. Когда привезли на медицинское освидетельствование, медики, которые осматривали меня, были в шоке от того, что увидели. Это была сплошная гематома от шеи до колен и по локти».

Пострадавший от пыток Игорь Лямин, задержанный 14 сентября сотрудниками батальона «Днепр», рассказывает о таком приеме, как «качели»: «...длинный ломик-шестигранник. Руки под ноги в наручниках и надевается ломик. И потом кружили меня этим ломиком, оставляли, и я висел на нем. Кости чуть не повылазили у меня. До сих пор не работают руки, эти части».

Целый ряд опрошенных свидетельствовали, что некоторых захваченных украинские войска отправляют на минные поля. Например, Василий Харитонов, ополченец ДНР, захваченный в районе с. Петровское 18 августа, говорит: «...потом в яму уволокли. Двух отправляли на минное поле. Было семь взрывов. Меня собрались расстрелять». Пострадавший от пыток Константин Афонченко, также захваченный 18 августа, рассказывает: «...потом отправили

в Краматорск. Там посадили в яму, периодически избивали, оскорбляли. Потом привезли новых, и все внимание переключилось на них. К одному из них подошел десантник и увел его и еще одного парня. Потом выяснилось — их отправили на минное поле».

Председатель гуманитарного фонда Алла рассказывает: «В аэропорту Краматорска молодые ребята, которым я гожусь в матери, оскорбляли, унижали, говорили: "Изнасилуем и пустим на минное поле"».

Практически все заявляют, что Украинская армия и карательные батальоны также стреляют в конечности заключенных, совершают наезды военной техникой. Системной практикой также является имитация расстрелов.

Участовавший в подготовке референдума Сергей Мосин рассказывает о том, как подвергся за это пыткам: «Я участвовал в митингах в подготовке референдума. Меня задержали 9 ноября 2014 года в г. Енакиево. Сутки держали на территории шахты Булавинская, где проводили допрос, избивали и пытали. Били прикладами по спине, по рукам, по ребрам. Руками и ногами били по голове и туловищу. Два раза выводили на ложный расстрел. Угрожали расправой над матерью, обещая разорвать ее БТР».

Ополченец Михаил Любченко рассказывает: «Я был задержан в ходе проведения операции. Двое товарищей погибли, двое сумели скрыться, а нас взяли. Нам связали руки и посадили в машину. Приехали в неизвестное место. Сначала сидели в яме, потом нас вызвали на допрос. Я не чувствовал рук.

Я видел, как тракторным ковшом засыпали парня по пояс, а потом просто отпустили его на него. Двух ополченцев отправили на минное поле. Один сказал — лучше здесь меня пристрелите. И тогда они начали стрелять от пальцев ноги вверх, расстояние между пулями примерно пять сантиметров. Когда он дошел по одной ноге до паховой зоны, переключился на другую ногу. Стрелял из автомата».

Ополченец Дмитрий Мартюхин рассказывает о том, как его пытали в батальоне «Азов»: «Я был захвачен Нацгвардией. По дороге на Дебальцево избивали рукояткой пистолета по голове. По-

сле остановки на дороге меня вытащили и готовились расстрелять. Их остановил командир, сказав, что про нас уже знает командование и надо довести живыми. В Дебальцево располагался батальон «Азов». Они избивали нас полночи, затем стали стрелять по моему товарищу. Он получил три ранения и был отправлен в больницу».

Пострадавший Денис Гаврилин, задержанный украинской Нацгвардией 31 июля 2014 года и переданный батальону «Азов», говорит: «Закидывали в яму с трупами. Расстреливали, короче. Закидывают в яму, специфический запах — эффект расстрела».

Пострадавший от пыток ополченец Донецкой Народной Республики Владимир Быстрицкий рассказывает об угрозах родственникам и имитации наезда на него БТР: «Меня взяли в плен 5 июля 2014 года. Пока везли в машине, меня избивали. По прибытии кинули в яму. На допросе руки были связаны, били, хотели прострелить колено. Потом положили меня под БТР и пытались переехать. Пугали так. Вытащили, побили, я потерял сознание. Кинули в яму с отходами, стреляли рядом, потом вытащили и продолжили допрос. В процессе него я много раз терял сознание. Потом мы провели ночь в яме, под дождем. Нас погрузили и отвезли в СБУ. Там нас избивали, угрожали расправой с семьей. После этого отвезли в СИЗО, там провели осмотр, после этого не трогали».

Пострадавший от пыток Сергей Деканенко рассказывает: «29 сентября меня задержали военные люди батальона “Донбасс”. Ударили прикладом по голове. Во время ареста рядом находились члены моей семьи, которые были очень напуганы. Им сильно угрожали, забрав у детей телефоны. Меня привезли в Краматорский аэропорт, где избивали гранатой по голове, угрожали, стреляя над левым ухом из пистолета, угрожали моей семье. После пыток в подвале они заставили меня говорить на камеру, угрожая моей семьей, тем, что они их вырежут. Также угрожали моим братом, которого задержали в тот же самый день. После трехдневных пыток нас отвезли в Харьковское СБУ, где мы находились до обмена».

Ополченец Анатолий Кузьмин рассказывает, как украинские военнослужащие в пьяном виде застрелили одну из заключенных:

«В начале сентября со мной встретился мой знакомый. Он говорит, что один человек хочет встретиться со мной, чтоб вступить в ряды ополчения. Я с ним встретился. Он посидел, купил мне пива и сказал: “Мне надо переставить машину поближе”. Когда он ушел, вышло шесть автоматчиков и милиционер. Когда завели в горотдел милиции, начали уже грубо со мной разговаривать.

Меня увезли, привезли, закрыли в морозильную камеру, посадили и там держали. Избивали, били по ребрам с двух сторон с ноги. Потом душили пакетом, давили наручниками и поднимали вверх. Когда мне выбили челюсть, я еле жевал.

Потом перевезли, сказали, что в Изюм. Нас держали в подвале, как котельная. Каждый раз они напивались, приходили и прикалывались над нами холостыми патронами. По потолкам стреляли. Потом “Правый сектор” приходил, тоже пьяные. Там была Катя из города Краматорска. Ее пристрелили там на месте, когда они напились.

Пришли три человека, зашли с “калашом”, а у одного был ПМ с боевыми патронами. Ходили по камерам — стреляли, потом дошли до нее, насколько мы слышали, стреляли в потолок, потом слышали выстрел и звук как хрипение, и кто-то из сокамерников сказал, что последние слова у нее были: “Зачем?” И все. Начался крик, шум поднялся. На следующий день ходили, как будто ничего не бывало».

Абсолютному большинству захваченных украинскими силовиками во время допросов угрожают убийством, пытками и насилием над членами их семьи.

Например, захваченная 6 октября 2014 года Зинаида Малеева рассказывает: «Меня забрали в летнем халате, в носках и тапочках. Потом вывели мужа-инвалида с группой 1А, который с палочкой еле-еле ходит. Привезли на завод, мужа посадили в отдельное здание. А меня посадили в комнату метр на полтора и в высоту два метра с небольшой дверцей и вентилятором, в которой было очень холодно. Я ничего не говорила, потому что ничего не знала. Они кричали, оскорбляли, угрожали, били, играли по моему телу электрошокером, топтали каблуками ступни ног, били носками по

ногам, держа пистолет со взведенным курком у затылка. Светили в глаза фонариком. Сказали, что меня будут насиловать много солдат, потом привезут мою дочь и внучек 6 лет и 1 года и их будут насиловать. Я не знала, что делали с моим мужем, но я боялась за его жизнь и за жизнь моей матери, которой 80 лет».

Пострадавший Андрей Деканенко был захвачен 29 сентября 2014 года у себя дома. Он рассказывает: «Меня арестовали люди в масках, выпрыгнувшие из проезжающего мимо микроавтобуса. Положили меня на землю и стали бить ногами. Потом привезли в какой-то подвал, начали избивать и задавать вопросы о том, где спрятано оружие. Я ответил, что не знаю.

Затем кто-то из них в маске начал диктовать текст, который я должен сказать на видеокамеру. Текст был таким: “Я один из членов разведывательно-диверсионной группы, которая занималась сбором информации и передачей ее по телефону”. Я сказал, что этого не было и говорить этого я не буду. После этого они стали угрожать, что сейчас привезут мою жену и на моих глазах будут ее потихоньку убивать. Мне пришлось сказать все это на камеру».

Позволившая на горячую линию ДНР Оксана Грибань была захвачена 6 ноября 2014 года. Она рассказывает: «Меня отвезли в Волноваху. Там мне сказали, что если я не отвечу на их вопросы, то они привезут моего мужа и сына и отдадут “Правому сектору”».

Ополченец Руслан Ильчук был захвачен 24 ноября 2014 года сотрудниками СБУ. Он рассказывает: «После избияния мне сказали, что приведут сюда мою жену и изнасилуют на моих глазах. После этих слов я согласился подписать».

Станислав Суслов рассказывает, как его пытали и угрожали расправой над родственниками для того, чтобы он сделал ложное заявление о том, что завербован ФСБ: «При захвате избивали, крутили ноги, надели пакет на голову и душили. В здании СБУ продолжили избияния — по голове, ногам и телу. Избивали три дня. Угрожали расправой над семьей и родственниками, после чего я согласился зачитать текст на видео о том, что я якобы завербован сотрудниками ФСБ».

Пострадавший Александр Петров рассказывает: «19 ноября 2014 был схвачен. Стали бить битой по рукам и ногам. Принесли электрошокер, начали пытаться. Заставляли подписать то, что они скажут, пугая, что схватят жену».

Житель Одессы Владимир Дюбов рассказывает: «21 июля я был задержан сотрудниками СБУ у себя дома в Одессе. Мне угрожали, что скажут адрес моей жены и детей “Правому сектору”».

Ополченец Константин Сименов, подвергавшийся пыткам и избиениям в «пресс-камере», рассказывает, что сотрудники СБУ угрожали ему тем, что «отрежут голову жене и детям»: «26 мая 2014 года я выехал в г. Харьков по семейным обстоятельствам. Меня четыре человека сбили с ног и десять минут избивали чем только можно — и ногами, и руками. Сломали ребро, приставляли оружие к голове и говорили, что расстреляют».

Привезли в здание, там были люди в форме. У них была прослушка, но они выбивали показания, что я на ГРУ России работаю. Били, перебили перепонку у левого уха, четыре дня не вставал с кровати, били сильно. Я там пробыл почти месяц, они говорили, что отрежут голову жене, детям. Говорили это так: “Если ничего не признаешь, отрежем твоей и ее малолетним уродам головы, если не мы, то «Правый сектор», мы с ними сотрудничаем”. Называли имена Андрея Белецкого, который сейчас командир батальона “Азов”. Я опасался за жизнь своих детей, жены. Я подписал, но в дальнейшем меня закинули в пресс-камеру, там меня “дорабатывали” на изоляторе».

Сергей Корнеев был захвачен 22 сентября. Он рассказывает: «В квартире, где я жил с женой и несовершеннолетней дочерью, была выбита дверь. Ворвались люди в масках и с автоматами и стали меня избивать автоматами и ногами на глазах у моей семьи. Как потом выяснилось, это были сотрудники “Альфы” из Днепропетровска. С ними были сотрудники СБУ Днепропетровской и Харьковской области. После меня повезли в Днепропетровск. По дороге останавливались и продолжали избивать меня, требуя брать на себя все. В противном случае угрожали расправиться с семьей».

Пострадавший Павел Карцев рассказывает: «9 июля меня схватили, били. Схватили мою девушку, тоже повезли на базу. Заставляли ее давать признательные показания в том, что я командир, который командовал отрядом, который сбивал вертолеты. Говорили, что твоя девушка с базы не выедет, мы ее будем насиловать на твоих глазах и убьем в конце концов. Стали мне предлагать подписывать чистые листы бумаги. Заставили меня признаться в том, что я командовал этим отрядом, и ее отпустили».

Ополченец Константин Морев был захвачен СБУ 16 ноября. Он свидетельствует: «С момента задержания меня били по разным частям тела: голове, рукам, в область живота ногами. Надели мне на голову шапку. При любой моей попытке снять ее наносили удары по лицу и в область глаз. Завели меня в “Газель” и положили между сиденьями, продолжали бить в область затылка, спины. Выламывали руки, применяли удушающие зажимы шеи с взятием на излом шейных позвонков. После этого я потерял сознание. Приведя меня в чувство, они продолжили меня бить в область спины и по голове.

Когда мы приехали в СБУ Харькова, меня вывели из машины и поставили лицом к стене, уперли в нее головой, поставили ноги пошире и стали наносить удары по внутренней стороне ног. Когда меня подняли в кабинет и усадили на стул, то продолжили бить чем-то твердым по ногам. Сколько времени это продолжалось, сказать не могу. Второй следователь, которого представили как психолога, стал угрожать мне, что если я не сознаюсь, то они могут вывести меня в лес и убить, так как я здесь нахожусь неофициально.

После того как эти угрозы не подействовали, они стали угрожать моей семье, после чего я дал показания, которые они от меня требовали».

Пострадавший Александр Шалунов был захвачен СБУ 21 июля 2014 года. Он рассказывает: «Я к ополчению не имею никакого отношения. При задержании мою жену и 13-летнюю дочь в грубой форме уложили на землю под дулами автоматов. В СБУ мне выдвинули обвинения по ст. 258 ч. 2 УК Украины. Следователь Исмаилов сказал, что я здесь, а моя жена и дочь на воле, и он отдаст их “Право-

му сектору". Он сказал, что отдаст мою дочь "Правому сектору", где ее будут рвать на части, после чего я дал показания».

В некоторых случаях угрозы родственниками претворяются в жизнь. Пострадавший Игорь Лямин, задержанный 14 сентября сотрудниками батальона «Днепр», говорит: «Оказывается, пытали мою жену. Тоже забрали и держали в соседней камере. Ей сломали на левой ноге все пальцы. Я подписал все бумаги».

Пострадавший Владимир Демченко рассказывает, что, кроме угрозы его родственникам, его поместили в камеру к уголовникам: «Я был задержан 29 июня 2014 года на посту ГАИ на трассе Киев — Харьков. Когда зашел на пост ГАИ, меня задержало СБУ. Вышли к машине, машина была открыта, там — две тротиловые шашки и какая-то карта с какими-то метками. Карта и тротиловые шашки мне не принадлежали.

В СБУ били, били жестко, морально унижали. Угрожали, что дочки будут проститутками и т. д.

В изоляторе содержали с уголовниками в камере, с убийцами, наркоманами. Первый раз увидел, как люди колются, для меня это шок. Второй раз перевели в другую камеру, там еще хуже уголовники».

Задержанные украинской стороной подвергаются пыткам на различных этапах: непосредственно на месте взятия в плен, во время транспортировки, после передачи тому или иному подразделению, во время предварительных или основных допросов, в изоляторах, в судах и т. д.

В качестве стороны, осуществляющей пытки, пострадавшие называют Национальную гвардию, различные формирования МВД Украины, «Правый сектор», различные подразделения Вооруженных сил Украины, Службу безопасности Украины.

Например, ополченец Александр Золотухин рассказывает: «Оказался в плену. Меня и моего друга держали в подвале, от нас требовали ответ на вопрос: "За сколько продали Украину?" Я пытался им объяснить, что это моя земля, я на ней родился и вырос, никому и ничего не продавал. Те, кто держал нас в подвале, — ребята лет

по 25–28, били по печени, по почке, один уставал, садился второй. У первого был позывной “Тёма”, а у второго — “Ветер”, тому нравилось втыкать шило в левую лопатку. Все это было в подвале около блокпоста. Я понимал, что больше не выдержу, и попытался выбить дверь, а они сказали: “Будешь выбивать — повесим гранату”. Сначала в ногу выстрелили, потом были другие выстрелы, скользкие.

Затем отвезли все-таки в город, в больницу. Дело на нас не завели, но был разговор, что нас обменяют. Потом пришли с другого батальона, хотели нас забрать, чтобы обменять, а те не отдавали. Более подробно я не буду рассказывать, мне тяжело очень».

Пострадавший Сергей рассказывает, как его подвергли жестоким избиениям по дороге в Службу безопасности Украины. Также избиениям подверглась и его супруга. Именно ее сотрудники в дальнейшем подвергали пыткам, как и его самого: «Нас схватили у меня дома. Приехали сотрудники СБУ в масках, выбили дверь и начали избивать меня на глазах у жены и десятилетней дочери. У жены начался сердечный приступ. Они сделали в квартире обыск, подбросили две гранаты, после чего меня погрузили в микроавтобус и по пути на трассе продолжили избивать. В этих бумагах был бред, что я агент Службы безопасности России. Сказали, что если я не подпишу бумаги, то они убьют мою жену. В СБУ я все подписал. Когда избивали на трассе, мне сломали три ребра. Обнаружили, когда возили на флюорографию. У меня поменяли снимок для того, чтобы не было проблем с изолятором временного содержания».

Другой пострадавший рассказывает: «Я был ополченцем. Меня схватили. Тыкали ножом, избивали железяками, били в позвоночник, отбивали ноги еще. Требовали признаться в том, что я террорист, и так далее. Били электрошокером. Потом привязали провод к ногам и крутили ручку чего-то. Оно меня било сильно. Интересно, что одно избиение состоялось прямо в зале суда, при судье. Судья все это видел. Говорили, что если не подпишешь, то привезем детей, семью».

Артем, захваченный 13 июня в городе Мариуполе, свидетельствует: «Сразу начали бить, привезли в аэропорт и посадили в холо-

дильник. Издевались над нами. Все были в масках. Там продержали трое суток, потом увезли в СБУ. Мы были с переломанными ребрами и без какой-либо медицинской помощи. Применяли физическое насилие, вкладывали в руки оружие, для того чтобы остались отпечатки пальцев, угрожали».

Некоторые опрошенные говорят, что сотрудники СБУ предпочитают для пыток использовать других военнослужащих Украины, однако пытки происходят в их присутствии.

Например, захваченный 4 августа 2014 года Александр Пискунов рассказывает, как в присутствии офицеров СБУ его душили, пытали электротоком и заставляли застрелиться из пистолета: «Вечером избивали и допрашивали. Допросы все проходили одинаково. Один из них длился десять часов. За это время не дали ни капли воды, разрядили на мне электрошокер, избивали. Потом изменили тактику допроса. Стали душить. И так пять суток. При допросах присутствовали представители СБУ. Была постоянная провокация. Устроили расстрел. Выстрелили над головой и отправили в камеру. Потом дали пистолет в руки, чтобы застрелиться. Били, пока не нажал курок, но патронов в нем не оказалось».

Другие опрошенные рассказывают, что их подвергали мучительным пыткам прямо после ранений или в больнице. Практически все говорят, что медицинская помощь либо не оказывается вовсе, либо носит недостаточный характер.

Например, потерпевший Дмитрий Вулько был обстрелян на блокпосту и с многочисленными пулевыми ранениями доставлен в больницу. Он рассказывает, как его и других больных пытали украинские национальные гвардейцы прямо в больнице после операции: «Я попал в плен в сентябре 2014 года. На блокпосту. Национальная гвардия обстреляла машину — пулевые ранения были в бедро, в поясницу, в грудь. Меня отправили в больницу и сделали операцию, отправили в палату для военнопленных, пристегнули наручниками. перевязки делали раз в неделю. Две раны гноились.

Пьяные солдаты Национальной гвардии в течение трех недель заходили и спрашивали: “За сколько продал Украину?” Потом били

по всему телу. Вот мы лежали, пристегнутые наручниками к кровати, они приходили и били в пьяном виде с автоматами. Один подходил и бил по лицу, второй по ране ударял. Так поиздеваются, выходят, выпьют — и снова. Все это продолжалось сутками, не давали спать. Били прикладами по ранам, угрожали, что ножами порежут сухожилия. Они кричали, чтобы нам не давали обезболивающее. Сказали, что долго я не протяну.

Ополченцу Александру ножом руку ковыряли, отодвигали повязку и ковыряли. Другой брал шило и ковырял спину.

Еще один человек, который находился в палате рядом, рассказывал, что ехал просто на машине. Она забарахлила, он остановился посмотреть, подъехала машина Национальной гвардии. Его схватили и повезли в дом, в подвал. Двое суток пытали и издевались.

Перед тем как произошел обмен, нам сделали уколы, вот уже двое суток не хочется спать. Я не знаю, что это за лекарство такое, они ничего не объясняли».

Другой пострадавший говорит: «В аэропорту Мариуполя нас держали в холодильнике. Заходили — пистолет к голове приставляли и стреляли рядом. Потом были ребята — их положили на пол и стреляли возле головы. Других, бывало, резали — сухожилия перерезали на ногу одному парню, другому разбили прикладом голову, аж скальп слез. Сказали, что вы никто и звать вас никак. Не кормили, не поили, в туалет не водили двое суток и воду не давали. Заставляли признаваться в терроризме. Медицинскую помощь не оказывали. На все болезни — анальгин».

Ополченец Александр Ковалев рассказывает, что находящимся в СБУ также не оказывают достаточной медицинской помощи: «В начале августа 2014 года мы ехали в машине и попали в засаду. Мне отбили все внутренности, сломали два ребра, одно ребро проткнуло мне легкое, кровь стала поступать в легкое затем. Били сильно, руки перевязали веревкой, об асфальт терли, чуть не лишился кисти. Потом отвезли в СБУ и затем меня уже в больницу. В СБУ меня продержали месяц. Там были раненные с осколками и с пулями, многих в госпиталь не отвозят».

Владимир Ольшанский рассказывает: «В марте 2014 года я попал в Харьковское отделение Службы безопасности Украины. Люди избитые, лежат со сломанными ребрами, вывихнутой челюстью. Одному стало плохо, поднялась температура, началась рвота. Вызвали охрану, они его забрали. Наутро мы спрашивали, где он, но нам ничего не отвечали. Есть подозрения, что он умер. Это просто ужас. Люди все приезжают побитые».

Иван Лысенко, активист «Антимайдана», рассказывает: «В конце мая 2014 года я поехал в Харьков. На одной из остановок зашла девушка, за ней молодой человек лет под тридцать, крупный. Он сказал ей: «Смотри, не балуйся», попрощались, поцеловались, он вышел, она села, мы поехали дальше. В Харькове, как вышел, сделал пять шагов, начали заламывать за спину руки, надевать наручники, бить по копчику, по ребрам, по ногам наносить удары. Надели мешок на голову, посадили в машину, сели с двух сторон, это сопровождалось, естественно, бранью, били по печени, по голове, в основание шеи. Завели в какое-то здание, водили по коридорам и лестницам вверх-вниз, потом в коридор опять завели, кинули на пол, хлопнула дверь камеры. Так я пролежал часа два с мешком на голове, с наушниками. Потом через время зашел человек, снял мешок, и я увидел этого молодого человека, который провожал девушку. И он мне сказал, что по законам военного времени я буду расстрелян и утоплен в болоте. Ударил два раза по голове, два раза в живот, предложил помолиться, надел мешок и вышел. Потом я так пролежал какое-то время, зашли несколько человек после этого, подняли, повели.

Перевели в другое помещение какое-то, сбили с ног, сняли наручники, начали выламывать руки в локтевых суставах в разные стороны, при этом вкладывали патроны от автомата в руки. Они сжимали, выкручивали руки, при этом один зажимал мне шею, душил, воздуха не хватало, били по копчику. Отвели назад, стянули ремнями руки выше локтей и в кистях. И так я сутки пролежал, провалился на полу, руки онемели, думал — отпадают. Потом, после того как я пролежал, меня повели в какой-то кабинетик, малень-

кий: там только стул стоял, я на него сел, стол, на нем сидел человек, и был этот молодой человек, я потом узнал, что он из контрразведки, — Олег. Мне сказали: “Сам понимаешь, ты военнопленный, никто тебя судить не будет, расстрел”. Этот следователь играл в хорошего полицейского. Олег разговаривать не стал, начал сразу бить. Я закрылся руками, согнулся, он бил по спине, по позвоночнику, в основание черепа, с колена бил по голове. Потом меня опять увели, опять руки не развязывали, так и был в ремнях. Так я еще пролежал. Потом на следующий день меня вроде как официально к следователю повели, следователя зовут Артем. Олег пришел, дал по ушам пару раз ладонками. На следующий день меня повезли на суд. На суде мне присвоили задержание под стражей и снова увезли в Харьковское СБУ».

Владимир Кирученко рассказывает, как его избивали сотрудники СБУ. Он рассказывает: «26 июля меня схватили и привезли на Краматорский аэродром. Сами сотрудники СБУ рукоприкладством не занимались по отношению ко мне — они отходили, оставляли меня одного, и меня била 95-я бригада. Десантники вывихнули челюсть, отбили ребро. Увезли в Харьковское СБУ. Меня вывели в отдельную комнату, и три оперативника били уже руками».

Сергей Дворецкий рассказывает: «В СБУ избивали, били в основном по почкам и по грудной клетке. Раздевали, клали на пол, наступали ногой на пах, приставляли пистолет к рукам, к ноге. Говорили, что или убьют, или прострелят руки, ноги при попытке к бегству. Сломали ребро».

Пострадавший Юрий Новосельцев, к которому применялся такой прием пыток, как «неваляшка», свидетельствует: «В СИЗО, где я находился, никакой медицинской помощи не оказывалось». Ополченец ДНР Владимир говорит: «Медицинскую помощь не оказывали. На все болезни — анальгин».

В ряде случаев пострадавших все же отправляли в больницу, делали операции, но затем не оказывали необходимой медицинской помощи. Пострадавший от пыток Станислав Щедровский, которого пытали электротоком и пробивали легкое, рассказывает:

«Голова опухла, рука не двигалась, ребра сломаны почти все, печень смещена. В СИЗО меня не приняли, отправили в больницу на операцию. После этого отправили в СИЗО, там медицинская помощь не оказывалась. Надевали мешок, невозможно было дышать».

подавляющее большинство захваченных рассказывают, как с помощью пыток и угроз украинские власти заставляли их подписывать признания, что они являются агентами российских спецслужб. Абсолютное большинство мирных граждан, захваченных украинскими войсками, не выдерживали пыток и угроз и подписывали любые обвинения в их адрес.

Например, пострадавший Сергей рассказывает: «...по пути, на трассе, продолжили избивать. В этих бумагах был бред — то, что я агент Службы безопасности России. Сказали, что если я не подпишу бумаги, то они убьют мою жену. В СБУ я все подписал. Когда избивали на трассе, мне сломали три ребра».

Ополченец Руслан Панчук рассказывает: «Задержали меня в день моего рождения. Били по голове, потом мешок на голову. В СБУ оперативники издевались над нами, шантажировали семьей. Я взял все на себя, и меня отправили на изолятор. Месяц прожил с вывихнутой челюстью».

Целый ряд опрошенных называют конкретные места, где Национальная гвардия и Украинская армия массово используют пытки, или приводят позывные тех, кто подвергал их пыткам. Например, упоминают о полигоне Национальной гвардии «Днепр-1» под Днепропетровском. Пострадавший Владимир Севастьянов, задержанный 4 сентября 2014 года, рассказывает: «Там издевались над нами, унижали, кидали людей в ямы со змеями, могилы заставляли себе копать». Пострадавший от пыток Игорь Лямин также рассказывает об этом месте и называет позывные тех, кто его пытал: «Икс», «Альбина» и «Макс».

Александр Лошкарев рассказывает, как к нему применяли неизвестные медицинские препараты, подвергали пыткам и унижениям: «Меня обвинили в том, что я совершил теракт и покушение на пограничников. Начали избивать дубинками, ногами били в го-

лову, потом открыли рот, кинули туда два кислых кубика. Я начал задыхаться и терять сознание.

Потом, когда меня откачали, дали бумаги на подпись, я подписал их, и отвели в морозильник. Потом отвезли в СБУ, снова давали на подпись бумаги. Я их отказался подписать, пришли в кабинет четыре человека в черной форме в масках с пистолетами и начали бить. Потом опять заставили подписать бумаги, и я их подписал. Продержали нас в СБУ и отвезли в село к батальону “Днепр-1”. Нас унижали, бросали в яму со змеями, стреляли возле головы и возле ног. Потом я выбрался из ямы, и заставили ползти по асфальту, по стеклам и тоже стреляли возле ног. Потом я дополз до забора, дали лопату, сказали: “Копай себе яму”, и когда я выкопал яму, они опять начали стрелять возле ног».

Ополченец Александр Золотухин также приводит позывные тех, кто их пытал: «...ребята лет по 25–28 били по печени, по почке... У первого был позывной “Тёма”, а у второго — “Ветер”, тому нравилось втыкать шило в левую лопатку».

Часто упоминают также аэропорт города Мариуполя, в котором захваченных держат в промышленном холодильнике и подвергают пыткам, аэропорт города Краматорска.

Пострадавший Вадим Белобород рассказывает, как его избивали и угрожали расправой с семьей: «Меня схватили 28 июля в городском совете Мариуполя. Привезли в аэропорт и поместили в холодильник. Нечем было дышать. Избивали по почкам, коленям, терял сознание, сломали ребра. Конвоир постоянно кричал, часто нас избивали. Угрожали расправой с семьей и дочерью».

Денис Гаврилин, захваченный украинской Национальной гвардией 31 июля 2014 года, также рассказывает об этом месте: «Меня привезли в Мариуполь, в аэропорт, где поместили в отключенные морозильные камеры. Там нет света, все лежали на кафельном полу. Вакуумные двери — дышать нечем, духота, задыхаешься».

Другие рассказывают, что для охлаждения холодильник включали, и температура в нем достигала минус четырех. Александр, захваченный 4 августа 2014 года, говорит: «Меня привезли в холо-

дильник аэропорта. Некоторые смены забывают холодильник выключить, и температура в нем достигает минус четыре».

Ополченец Алексей Овоев рассказывает о тех, кого пытаются на аэродроме города Краматорска: «Я наблюдал, как с аэродрома запускались системы залпового огня. Был задержан сотрудниками СБУ, которые доставили меня на аэродром и пытали. Меня подвешивали за руки в яме: плиты, к ним веревка прицеплена, веревка — к наручникам, и в таком вытянутом состоянии с завязанными глазами. Меня били по ребрам, по печени, по лицу. Все, кто проходит через аэродром, все подвергаются таким пыткам и издевательствам. Люди, которые приезжают в изолятор временного содержания, все сине-фиолетовые, все побитые, у некоторых сердце не выдержало — умерли. Девяносто процентов оттуда приходят такие. Все побитые, все изувеченные. Там 95-я бригада, были иностранцы с грузинским, с польским акцентом.

Потом доставили в Харьковскую СБУ, где оперативные сотрудники по приезду тоже сначала в камере допроса побили. Я весь сине-фиолетовый полтора месяца там находился. В то время как я там находился, они владели моим имуществом, ключами от гаража, от машины. Компьютеры из дома вынесли, технику. Полтора месяца обвинения никакого не предъявляли».

Опрошенные также говорят, что украинская сторона на протяжении долгого времени намеренно не регистрирует задержанных ими людей и намеренно нарушает предписанную законодательством процедуру. Например, Лилия Родионова, представитель Комитета по делам беженцев и военнопленных, в свое время также захваченная Украинской армией, рассказывает: «...я попала в СБУ, и меня по документам там не было». Пострадавший от пыток Алексей Лукьянов также рассказывает о фальсификации документов в Службе безопасности Украины: «Меня в СБУ продержали несколько недель и потом сказали: "Поехали на суд, вот тебе повестка, ты же сам первый раз пришел на суд, мы тебя вызвали вначале с подозрением, а потом через неделю уже вызывали другой повесткой в суд". Я подписал и ту и другую».

Полученные Фондом свидетельства позволяют однозначно сделать вывод, что большинство жертв пыток не являются ополченцами Донецкой или Луганской Народных Республик, а относятся к категории мирных граждан. «Причиной» ареста и пыток граждан украинской стороной может быть участие в митингах против Евромайдана, участие в программах российского телевидения, заявление своей позиции в интернете, участие в митингах в поддержку ДНР, участие в проведении референдума, «наличие телефона российского журналиста», наличие в личном телефоне «имен с Кавказа — Аслан, Узбек», телефонный разговор с людьми из Донецкой Народной Республики, «оказание медицинской помощи в ДНР» и т. д. Аналогичной абсурдностью и бездоказательностью отличаются и другие обвинения.

Например, несовершеннолетний Андрей Цаюков (17 лет) был схвачен за то, что заявлял свое мнение в сети интернет. Он рассказывает: «Я был захвачен боевиками Азова 30 октября 2014 года у себя дома. Они ворвались в дом, повалили всех на пол и связали руки. Потребовали, чтобы я отдал им телефон, к которому привязана моя группа в сети "ВКонтакте". Ими был изъят телефон с сим-картой. Меня привезли в Мариупольское СБУ. 8 ноября следователь Анищенко М. М. заставил меня подписать, что я якобы добровольно согласился на арест на 74 часа. Там я подписал документы — обвинение, которое мне предъявляли».

Виктор Примак (60 лет) рассказывает, как он подвергался пыткам за телефонные звонки своим знакомым на Донбассе: «У меня есть друг, и его сын работает в ДНР. Я с ним часто общался по телефону. В ноябре 2014 года за мной приехали вооруженные люди с желто-голубыми ленточками на рукавах. Я проживаю со старой матерью. Они начали избивать меня при ней, требовать мобильный телефон и документы. Меня увезли на блокпост, который находится на другой стороне реки Кальмиус. Потом надели мешок на голову и посадили в машину. Когда приехали, завели в какой-то кабинет и стали допрашивать и избивать. Сильно били, включали электрошокер. Я кричал, что говорю правду, что у меня больное сердце, что

мне уже 60 лет. Я говорил, что это был просто телефонный разговор, опять начинали бить и говорили, что сейчас уколут сыворотку. Я потерял сознание».

Ополченец Владимир Ковальчук свидетельствует, что в СБУ его обвинили в продаже комплекса «Кольчуга»: «Я занимался гуманитарной помощью в г. Славянске, с двумя священниками мы выехали в Крым. Выехали обратно, и при пересечении границы нас уже ждали сотрудники СБУ. На следующий день был суд: меня обвинили в продаже комплекса «Кольчуга», отправке бойцов для учебы в лагерях, в знакомстве с батальоном «Восток» и т. д. Душить меня пытались, что-то добавляли в воду... Когда сидел в СИЗО, один человек рассказывал, что их пытала Надежда Савченко, она была мужчин в пах».

Пострадавший Дмитрий Вик свидетельствует, что причиной его захвата стало сотрудничество с российским телевидением: «25 ноября 2014 года в мою квартиру ворвались вооруженные люди. Меня ударили в грудь дулом автомата, положили лицом на пол, на руки за спиной надели наручники. Напавшие представились «Правым сектором», угрожали убить и «напомнить об Одессе», «ты там за Россию, сейчас получишь возмездие». В квартире находились моя жена, сын и моя мать. Агрессивное поведение нападавших вызвало у меня страх за свою семью. Я простился с жизнью и решил, что мою семью убьют.

Потом они через полчаса только представились, что СБУ. Они самостоятельно проводили дальше обыск моей квартиры. И в кладовке они нашли гранаты, пистолеты, они позвали меня, спросили, что это такое. Я возмутился, потому, что они берут все своими руками, это то, что явно было подброшено. Они рылись в вещах моей матери, жены. Они также изымали драгоценности, деньги все изъяли, изъяли все мои пенсионные, денежные карточки, теперь, после моего ареста, моя семья полностью оказалась без средств.

Когда я задавал вопросы, меня избивали. Во время обыска меня обвинили в сотрудничестве с ТВ России, изъяли мою переписку и видеорепортажи на ТВ Россия-1 и Рен-ТВ, где я работал внештат-

ным корреспондентом-стрингером. В марте 2014 года принимал участие в программе “Специальный корреспондент” А. Мамонтова, “Прямой эфир” с Борисом Корчевниковым.

Меня упрекали в том, что я постоянно жалуюсь на высшее руководство Украины, что вот таким образом пришло время разобратся со мной.

Следователь СБУ Живов Алексей Борисович заявил, что меня лишат пенсии и всего имущества».

Арестованный сотрудниками СБУ Алексей Лукьянов рассказывает: «...под Славянск, в село Евгеньевка, где был их штаб и по совместительству фильтрационный лагерь... попадали люди совершенно разные, в основном это жители Донбасса. У каждого своя история, но в основном это люди, которые каким-то образом пересекали блокпост, они почему-то стали подозрительными, их решили отправить на дополнительные опросы.

В качестве примера могу привести такой случай: когда человек проезжал блокпост, у него взяли телефон, начали смотреть и нашли там имена кавказские — Аслан, Узбек. Человека забрали и сказали, что он пособник террористов и знает всех чеченских боевиков. Его забрали, привезли в кунг и несколько дней избивали, говорили: “Расскажи, где прячутся чеченцы?”

Нескольких людей задержали просто из-за того, что паспорт открывают и смотрят там сзади: дети записаны одной ручкой. Говорят: “У тебя паспорт поддельный, все дети написаны одной ручкой”, он говорит: “Я терял паспорт, мне его восстанавливали и переписывали”. — “Нет, ты агент”. И его тоже в фильтрационный лагерь».

Ольга Егорова была захвачена 15 сентября 2014 года СБУ. Она рассказывает: «Они выбили наружную и внутреннюю двери, окружили моего 14-летнего сына, приставили к голове пистолет. После ареста меня привезли в СБУ, где сразу подвергли физическому воздействию, потом стали угрожать с описанием пыток. Трое суток проводили непрерывные допросы, во время которых следователи сменяли друг друга. Только к исходу третьих суток дали пить и есть.

Они предъявляли участие в митингах в поддержку ДНР и участие в референдуме 11 мая».

В целом ряде случаев для участия в обмене пленными украинские власти совершают аресты граждан, которые заведомо не совершали никаких правонарушений. Например, Наталья Чернявская, 58 лет, рассказывает: «Приехали, сказали, что с моего телефона звонили, и еще нужно ехать с ними. Привезли в аэропорт, держали в холодильнике, есть не давали. Полы кафельные, каждые 20 минут включается двигатель холодильника. Сказали, что я изменница родины и меня ждет пожизненное. В СБУ быстро составили все документы и отправили в суд. На другой день пребывания в СИЗО написала заявление, чтобы мне объяснили все, но меня не приняли. Потом меня опять повезли, посадили на автобус и сказали, что везут на обмен». Пострадавший Александр рассказывает: «Был задержан на въезде в Харьков, когда хотел выполнить просьбу своего приятеля — передать посылку. После чего был отправлен в здание СБУ. Просидел там полгода и был освобожден по обмену военнопленными».

В большинстве случаев мирные граждане Украины также подвергаются избиениям и угрозам расправ с семьей. Например, Геннадий рассказывает: «Созвонился с другом, собрался ехать в спортзал. На остановке меня вытащили из машины, никто не представился, лицом положили на дорожное покрытие, наносили удары по ребрам, разбили очки, повредили глаз. На голову надели мешок, на руки наручники и посадили в машину. В машине выслушивал угрозы в свой адрес и адрес своей семьи. В конце концов я потерял сознание. Очнулся только от запаха нашатырного спирта. По приезде в СБУ я увидел, что у меня поврежден глаз. Потом повезли на обмен».

Артем Павлеченко рассказывает: «Меня задержали возле автомагазина. Сказали, что кто-то показал пальцем на меня, что я участвовал... Привезли меня в отдел, обыскали всю мою машину, меня избили и еще угрожали. Забрали телефон и документы. Но так как не было доказательств, меня опустили. Я вернулся домой, потом мне позвонили, сказали, что у них остались документы на машину».

Я поехал, чтобы их забрать. Заставили подписать документы. Опять били. Привезли в больницу, просили, чтобы не писал никаких жалоб. Потом привели в суд, осудили, потом меня повезли в Харьков, в тюрьму. Пробыл там сутки, повезли на обмен».

Александр Размылин рассказывает, что в некоторых случаях захваты осуществляют с участием и согласно информации «Правого сектора»: «Меня повалили на землю и связали. Они сказали, что из “Правого сектора”. Привезли меня по месту прописки. Было постановление об обыске, во время которого мне подкинули патроны. В СБУ сказали, что простят патроны, если расскажу все. Я заявил, что ничего не знаю. После этого меня отвели в другую комнату и два раза избили. Угрожали, что убьют мою семью. Ближе к вечеру приехал адвокат и потребовал скорую. Она приехала, мне оказали первую помощь, но отказали в госпитализации, если не подпишу. Я подписал протокол».

В значительном количестве случаев похищения со стороны украинских силовиков людей не носят предусмотренного законодательством характера и не регистрируются. Только после подписания навязываемых украинскими силовиками «признаний» задержанных людей регистрируют в официальном порядке.

Например, ополченец Ольга Вербицкая рассказывает: «Меня захватил “Правый сектор”. Продержали меня семь дней в каких-то штольнях. Без еды, почти без воды. Очень было холодно. Делали мне уколы, инъекции, наркотические. Арматурой меня избивали и держали меня семь суток, нигде не регистрируя. В любую минуту могли вывести, расстрелять, выкинуть на какой-нибудь мусорник — и на этом все. Потом уже передали в СБУ».

Пострадавшего от пыток Михаила Яковлева задержали в конце июля 2014 года. Он рассказывает: «Привезли меня за какие-то гаражи, приковали руками к дереву, подвесили и стали избивать руками, ногами, деревянными палками. Я несколько раз терял сознание от болевого шока. Они пытались узнать об ополченцах. Я сказал, что не имею к ним никакого отношения. У меня забрали деньги и сказали добираться домой самому. Вернулся домой. Отлеживался.

Где-то в начале августа — снова они. Привезли в райотдел, начали меня избивать, стали надевать мне на голову мешок и перекрывать кислород».

Ополченец Игорь Карандин был захвачен 20 ноября. Он свидетельствует: «Днем ко мне в дом ворвались пять человек в военной форме. Меня ударили прикладом в голову, надели наручники и пакет на голову. Привезли в какой-то подвал, пристегнули наружниками к трубе. Зашли два человека в масках и начали избивать меня и сказали, что это только начало. После этого запихали в какую-то камеру метр на метр с металлической дверью на задвижке. Я провёл сутки в этом “каменном мешке”.

Наутро меня оттуда вытащили. При этом присутствовало уже шесть человек. Застегнули за спиной наручники, поставили на колени и начали избивать. Один веревкой с узлом бил по спине и ногам, другой бил какой-то цепью по ступням.

Неоднократно применяли удары током. Один человек поливал водой, другой пускал ток. После третьего удара я потерял сознание. Вся эта процедура повторялась.

Потом они закинули меня в одних трусах в “каменный мешок” до следующего утра. Каждый час били железным предметом по двери и спрашивали имя. Предположительно это продолжалось девять дней. Все это время я не принимал пищу, так как меня постоянно рвало. Все тело было синее и окровавленное.

В Харькове зарегистрировали, что меня якобы задержали на вокзале г. Изюма с гранатой, рацией и бронежилетом».

Достаточно распространенным среди украинских силовиков является совместное использование пыток и применение психотропных препаратов.

Захваченный батальоном «Айдар» ополченец Г. Майский рассказывает, как после использования психотропных препаратов его пытали электрошоком: «Айдаровцы меня пытали, мучили, морили голодом, постоянно держали связанным, с завязанными глазами. Потом передали в Старобельское СБУ, где со мной беседовал следователь Е. А. Ткаченко. После моего отказа давать показания

врач сделал мне укол и они пропускали через меня ток. После этого ничего не помнил. Когда посмотрел, то на показаниях увидел свою подпись».

Пострадавший Павел Сикорский рассказывает, как к нему применяли психотропные препараты: «2 октября был задержан Нацгвардией и отвезен в аэропорт Мариуполя. В начале били меня в живот, по ногам, плечам. Потом заставили выпить какие-то таблетки. Таблетки засунули в рот насильно. Водой заливали. Потом сделали какой-то укол. Потом мне стало плохо, в глазах потемнело; что было потом, я не помню. Очнулся я в холодильнике».

Целый ряд жертв, подвергнутых украинскими силовиками пыткам, также свидетельствует, что были ими обворованы.

Например, ополченец Василий Мацвей рассказывает: «19 ноября захвачен СБУ и был отвезен в Краматорск, где меня начали пытать. Пытались крюком зацепить меня за ребро и подвесить. Потом пристегнули к решетке на полу, били ногами, палкой, надевали пакет на голову, били палкой по ступням, по почкам. Пугали пистолетом и били по затылку. Обливали холодной водой, чтобы не терял сознание. На четвертый день меня привезли в Полтавское СБУ. Там прошел медосмотр и флюорографию, где мои побои записали как оказание сопротивления при аресте, хотя я сопротивления не оказывал.

Эти мародеры при моем задержании вынесли все ценное, что можно было забрать».

Передаваемые во время обменов пленными участники одесского движения «Куликово поле», направленного против Евромайдана, рассказывают о том, как подвергались пыткам и были обворованы сотрудниками СБУ. Пострадавший Александр Якименко (65 лет) рассказывает: «В канун событий 2 мая был комендантом православного палаточного городка на Куликовом поле, созданного Союзом православных граждан Украины. 9 июля 2014 года был задержан СБУ Одесской области.

Во время обыска в моей квартире были похищены 4 тысячи гривен наличными, 5 банковских карточек, кортик офицера ВВС

СССР (память об отце, ветеране трех войн) и другие личные вещи. Все это делалось под контролем следователя майора Нечипорука Ивана и оперуполномоченного капитана Мандрика. Через месяц с моей украденной пенсионной карточки была украдена очередная пенсия в 2050 гривен.

С момента задержания в СБУ Одесской области меня избивали. Надели на мои кисти наручники ласточкой, надели на голову мешок и, взяв за наручники, бегом таскали по коридорам. Прекратили, только когда я третий или четвертый раз потерял сознание. После того как облили водой, начались вопросы оперуполномоченного Мандрика — с какого времени я являюсь сотрудником ГРУ и ФСБ».

Пострадавший Юрий Трофимов (60 лет) также рассказывает, как во время задержания сотрудники СБУ обокрали его дом: «Я был заместителем коменданта православного палаточного городка на Куликовом поле. Во время боестолкновения с радикальными группами боевиков-ультранационалистов мне удалось с группой граждан Одессы укрыться на крыше Дома профсоюзов во время пожара. С крыши мне удалось выйти только утром, со мной вышли спасенные мной последние 4 человека. 9 июля 2014 года был задержан подразделением “Альфа” СБУ Одессы. Руководил задержанием майор Иван Игнатович. Постановление не предъявили, права на обыск, понятых не показали, адвоката не предоставили. При задержании разбили мне правую сторону лица, много ссадин и гематом на правом плече и коленках. Обыск проводили хаотично — каждый таскал, что хотел. Один вытаскивал деньги — 500 гривен из кармана куртки, майор украл два золотых кольца и наручные часы, другой украл новый фотоаппарат. Украл принтер, плоские мониторы, медицинские приборы и многое другое».

Пострадавший от пыток украинских силовиков Павел Каркозов также говорит о пропаже ценных вещей во время обыска. Он рассказывает, что именно произошло после того, как он был захвачен батальоном «Азов» в Мариуполе: «До этого в городе Мариуполе я занимался референдумом. Оказывал помощь в подготовке

и проведении его. 12-го числа, после работы, заехав на территорию предприятия, на котором раньше работал, по своим личным делам, был захвачен людьми в военной форме, которые сразу же меня избили на территории, надев на голову мешок.

Во время обыска в квартире пропали ценные вещи. Жена написала заявление в милицию о пропаже денег и золота.

По приезде в аэропорт Мариуполя я был избит и брошен в подвал. Через несколько часов был поднят и избит до полубессознательного состояния. После вызова врача был сделан укол, и меня опять опустили в подвал. Потом пытки продолжались утром и вечером. На следующий день меня перевели в "стакан" конвойной машины, которая стояла на солнцепеке, на сутки. Перед этим предложили конвою избить меня, что они исполнили с удовольствием.

После суток в "стакане" меня повели на допрос, где у меня случился инсульт. В дальнейшем я постоянно находился в полубомбическом состоянии.

Меня топили. На лицо накидывают тряпку, два здоровых быка на одну руку, два здоровых быка на другую руку — и держат. А пятый наливает воду на тряпку, когда тряпка намокает, ты начинаешь вдыхать воду. И от нехватки воздуха, так как тряпка мокрая, начинаешь в себя втягивать воду, которую тебе льют на лицо, и задыхаешься. Я не знаю, это, наверное, хуже, чем утонуть.

В дальнейшем я потерял счет допросам, пыткам и времени. После автозака меня перевели в холодильник в том же аэропорту. Три дня находился в ИВС, так как СИЗО отказывалось принимать из-за побоев, пока не будет заключения врачей, что я останусь жив.

Перед обменом пленных в Мариуполе устраивали наши проходы — прогоняли сквозь строй на корточках и били по спинам резиновыми палками».

ЧАСТЬ II.

Пытки и бесчеловечное
обращение:
показания потерпевших

Далее представлены несколько подробных рассказов тех, кто стал жертвами пыток со стороны Национальной гвардии, Украинской армии и СБУ.

Представитель общественной организации «Планета ребенка» Татьяна Земленухина свидетельствует: «Наш офис находился в Киеве по ул. Грушевского, 4б, за гостиницей "Днепр". Во время противостояния в январе-феврале 2014 года принимала активное участие в помощи "Беркуту" и ВВ в качестве волонтера в группе Ивана Проценко. На тот же момент состояла в движении "За чистый Киев", движении "НОД". Принимала участие в акциях против событий, происходящих на Майдане, перед посольством США, судом, на Бессарабской площади. По этим же событиям связывалась с российским телеканалом "Россия-1". Также летала на передачу "Украина на огне. Брода нет" крымского телевидения.

Единомышленники мне сообщили, что я нахожусь в списках "Правого сектора". По этой причине я решила покинуть Киев и уехать в Крым. Потом приняла решение возвращаться. 9 июля я выехала поездом из Севастополя. После пересечения границы меня сняли с поезда. Со всеми личными вещами посадили в машину и увезли в неизвестном направлении. Впоследствии я узнала, что это было здание СБУ Запорожья. На меня оказывалось психологическое давление, угрожали расправиться с моей семьей».

Пострадавший Игорь Лямин, задержанный 14 сентября сотрудниками батальона «Днепр», подробно рассказывает, как его пытали: подвешивали на дыбу, использовали «качели», били электротоком, как схватили и пытали его жену. Кроме того, он называет позывные тех, кто подвергал его пыткам на базе «Днепр-1»: «Меня схватил батальон “Днепр”. Я поехал на рыбалку, меня схватили, привезли в линейное отделение милиции и сразу, со старта, начали избивать. Били всем, чем можно, — и палками, и ногами, и пистолетом по голове. У меня голова была — как ежик. Потом на дыбу вешали — это руки за спину, руки в наручниках. Повыворачивали все руки. Потом сделали, как они назвали, “качели”. Это длинный ломик-шестигранник. Руки под ноги в наручниках, и надевается ломик. Потом кружили меня этим ломиком, оставляли, и я висел на нем. Кости чуть не повывлазили у меня. До сих пор не работают руки, эти части. Последний раз они 20 минут продержали на этом ломике, сняли, начали обливать водой и бить током — электрошокерами. Это длилось, пока я не начал терять сознание.

Не давали спать. Если я начинал засыпать, такие экзекуции повторялись. Оказывается, пытали мою жену. Тоже забрали и держали в соседней камере. Ей сломали на левой ноге все пальцы. Я подписал все бумаги, в которых меня обвиняли, и меня увезли в СБУ. Что они пытались выяснить, я так и не знаю. Зачем вот это все надо было вытворять, я не знаю. Сколько я историю ни изучал, немцы не извращались такими пытками, как делали они.

После СИЗО нас отправили в Днепродзержинск на базу «Днепр-1”. Позывные у тех, которые там служили, — “Икс”, “Альбина” и “Макс”. Они издевались как хотели, стреляли над головами. Все были практически переломаны, но они заставляли отжиматься. Одного человека вообще чуть не закопали в яме. Хотели застрелить. Это продолжалось четыре дня, и потом нас увезли в СБУ Харькова уже на обмен.

Там у меня открылась язва. Меня отвезли на неотложку в Харькове. При этом врачи сделали мне эндоскопию и все анализы — у меня сильно кровоточила язва. Факт в том, что меня отвезли под

чужой фамилией. Мне сказали: называй любую фамилию, любой адрес.

Меня хотели положить в стационар. Но им запретили. Привезли меня обратно в СБУ, и пока не произошел обмен, приходилось как-то терпеть все эти боли невыносимые. Кроме того, что было все тело побито, ну еще и язва открылась».

Пострадавший от пыток украинских силовиков Дмитрий Ермаков состоял в движении «Антимайдан» в Мариуполе. 18 сентября 2014 года около своего дома он был захвачен украинской Национальной гвардией. Он свидетельствует: «Во дворе дома стояла иномарка без номеров. Когда я проходил мимо, из автомобиля вышло 4 человека в камуфляже и масках, вооруженные автоматами. Привезли на территорию мариупольского аэропорта, где располагались части Нацгвардии. После приезда полтора часа стоял на коленях. За отрицательные или уклончивые ответы угрожали пытками, покалечить и убить. С 20 по 23 сентября находился в холодильнике. 21 сентября в холодильник привели сильно избитого молодого человека Макаренко. Его задержали на работе в цеху "Азовсталь" в середине рабочего дня за то, что он пустил погостить к себе приятеля и его товарища, которые состоят в батальоне "Восток".

Поздним вечером 21 сентября привели еще двух парней. С их слов, их задержали за то, что они в темноте подъехали к блокпосту ВСУ. Они не заезжали на блокпост, развернулись и поехали обратно в свою деревню. Свой поступок объяснили тем, что находились в состоянии алкогольного опьянения и решили проверить недавно приобретенный автомобиль. Они сообщили, что уже подъезжали к своей деревне, когда их догнали военнослужащие ВСУ и обстреляли автомобиль без предупреждения, вынудив их остановиться. Их избивали. Стреляли в землю рядом с головами.

Еще через некоторое время привели молодых людей, которых схватили за то, что они ловили рыбу рядом с ограждением Азовского морского порта. В ходе общения с другим задержанным они рассказали, что по дороге в аэропорт их избивали и пытали электрошокером».

Пострадавший Павел свидетельствует, что причиной его задержания и пыток стала его телефонная беседа с депутатом из Донецкой Народной Республики: «Сначала со мной беседовали вежливо, потом зашел мужчина и начал бить по ребрам. Мне стало дурно, и мне дали таблетку. Были судороги, у меня онемело тело. Они требовали признаться, что я был корректировщиком. Это неправда. Они слушали телефоны, а я просто поговорил с депутатом из Донецкой Народной Республики. Когда отвезли на полигон “Днепр-1”, там человека ни за что ни про что кидали в трехметровую яму, заставляли копать могилы».

Денис Гаврилин, задержанный украинской Национальной гвардией 31 июля 2014 года на блокпосту и переданный батальону «Азов», рассказывает: «Каждые два-три часа — допрос. Много всего. Меня топили. Глаза были завязаны, клали на лицо полотенце или тряпку. Я не видел. Руки при этом были прикованы сзади. И, держа меня сзади за голову, положив мне на лицо тряпку, поливали сверху. Не знаю из чего — из бутылки, из чайника... не видел. Состояние — утопление. Потом приводили в чувство. Ну и так далее. Так как у меня уже переломано колено, они увидели корсет на ноге, на колене, и мне сломали его повторно. В первый день его сломали. Потом на ногах, где ноготь, мне вставляли иголку. Такое состояние, как будто жилы из шеи тянет. Вытягивает всего, каменеет через боль. Закидывали в яму с трупами. Расстреливали, короче. Закидывают в яму, специфический запах — эффект расстрела. Там много всего. Я знаю хлопца, которому плоскогубцами вырвали четыре передних зуба. Ребята знакомых, сколько видел, им на ломиках “карусели” делали».

Валерий Борзов из Красноармейска рассказывает, как его пытали сотрудники СБУ: «7 ноября 2014 года я был задержан сотрудниками СБУ и увезен в какой-то подвал Красноармейска. В подвале меня били по голове, ногам, спине, почкам. В процессе я дважды терял сознание, меня обливали водой, и я приходил в сознание. В ходе пыток меня били руками и ногами по голове и в живот, от чего я снова терял сознание. Усадив меня на колени, били по ногам, а потом прицепили руками сзади (“ласточка”) на какую-то цепь или

трос и сильно били. После, сняв меня с “ласточки”, били несколько раз по голове какими-то брусками.

Позже меня усадили на стул и предварительно дали мне текст, я должен был сказать его на видеокамеру. Под угрозой насилия над моей семьей я сказал».

Ополченец Павел Борисов рассказывает, как над ним издевалась Национальная гвардия и разрывала его раны: «19 июля 2014 года я попал в плен. Был обстрелян из засады с трех сторон и взят в плен в тяжелом состоянии. В плену над нами издевались. Били по голове и нажимали на раны, откуда текла кровь. Получил я шесть пулевых ранений плюс осколочный. Таскали, издевались, оскорбляли, вывозили расстреливать.

В СБУ нас отправили город Краматорск, где мы находились в больнице сутки, потом перевезли в Харьковское СБУ, которое нас приняло, и нас снова положили в больницу.

Я много крови потерял, мне били по ранам, нажимали на осколки, на пули, совали пальцы в дырки от пуль, крутили в разные стороны и смеялись. Они наблюдали, как я истекаю кровью. Снимали на видеокамеру свои пытки и издевательства. Это была Национальная гвардия. На следующий день они приехали, хотели забрать нас, чтобы расстрелять, но им другие охранники не дали.

Врачи осколки вообще не вытаскивали. Одна пуля застряла в руке, раздвоила кость, врачи не стали ничем заниматься, потому что им не надо было. Они просто накладывали мазь и кололи обезболивающие, старались, чтобы больше не беспокоил, говорили “так заживет”, “со временем выгноится и выйдет само, ничего страшного”. Пули находятся до сих пор в теле.

Потом забрали в СБУ, недолечив, я еще был с гнойными ранами. Людей туда привозят избитыми, с выжженными свастиками, надписями “СС”. Другие люди приезжали с разбитыми полностью телами и лицами до неузнаваемости просто, как будто груши перебитые. Отбито все, даже мясо отходит от костей».

Ополченец Андрей Панченко был захвачен 14 января 2015 года. Он рассказывает: «Меня попросили друзья сесть за руль и отвезти

их в город Докучаевск. Мы заехали на украинский блокпост. Нас уложили в пол, завязали нам руки, ноги, периодически сопровождая избиением, натянули шапку на голову, обмотали ее тоже скотчем, чтобы было трудно дышать. Загрузили в свой автомобиль и увезли. Когда приехали, нас всех выкинули в какое-то темное помещение. И по одному начали выносить, мы были полностью связанные. Усадили на стул, один держал ноги, завел их под стул, руки за спинку стула, и там держали. Потом меня просто били молотком, обыкновенным молотком. По ногам, по плечам. Все это происходило до тех пор, пока я не потерял сознание. Такая процедура происходила три дня. Меня трижды ставили к стенке, стреляли из пистолета, стреляли рядом и говорили, типа, мы же можем и не промазать. На 13-й день, ближе к вечеру, подъехал автомобиль, нас забрали всех, при этом сказали, что гражданских людей — в расход. А нас двоих, у которых были корочки, — в милицию, в тюрьму. Везли нас долго, когда привезли, мы были связаны, шапки на глазах. Первый день нас не трогали в СБУ. Потом так же выводили по одному на допрос. После того как я им рассказал то, что я уже рассказывал тем военным, меня ударили в пах электрошокером и добавляли вольтаж, потому что сильнее и сильнее было. Током было очень больно. Я упал, кричал: «Расстреляйте меня, зачем мучаете? Я ничего не знаю». После этого пришел следователь и сказал, что я попал в правовое поле».

Пострадавший Владимир Севастьянов был схвачен 4 сентября 2014 года людьми в гражданской одежде с балаклавами на голове и перевезен в аэропорт Мариуполя. Он рассказывает: «После приезда меня завели в помещение и начали издеваться — бить шокером в предплечье и в область сердца. Топили. Прямо с мешком куда-то голову опускали, пока не начинал сознание терять. После всего этого заставляли подписать бумаги какие-то. Я отказался. Они отвели меня в камеру. На следующий день меня вывели обратно. Мокрую тряпку клали на лицо и поливали водой. Начинал задыхаться, и они, чтобы сильнее начал задыхаться, брали и электрошокером били еще. Били по спине очень сильно. После этого почки очень долгое время болели.

После этого увезли на “Днепр-1” под Днепропетровском, там их полигон обучающий. Там издевались над нами, унижали, кидали людей в ямы со змеями, могилы заставляли себе копать. Издевательства были очень сильными над людьми, это словами не передашь».

Пострадавший Константин Афонченко рассказывает, как его арестовали за то, что у него был телефон русского журналиста, а также приводит пример того, как украинские войска отправляли захваченных на минное поле: «18 августа 2014 года меня арестовали на украинском блокпосту за то, что у меня в телефоне был записан номер русского журналиста. На допросе мне сделали какой-то укол, и мне стало очень плохо. Я начал терять сознание, а они требовали показаний. Начали шантажировать меня тем, что если я не скажу, что я сепаратист, то мне не уколут противоядие. Мне уже было все равно, я подписал, лишь бы мне стало легче. Поставили мне этот укол, мне действительно стало легче. Затем последовали угрозы расстрела. Потом отправили в Краматорск. Там посадили в яму, периодически избивали, оскорбляли. Потом привезли новых, и все внимание переключилось на них. К одному из них подошел десантник и увел его и еще одного парня. Потом выяснилось, их отправили на минное поле. Уже в таком состоянии мы там находились, что каждый день все меньше хотелось бороться за жизнь. Из тех, кого я видел, два-три человека не возвращались. Дня через три нас погрузили и увезли. Нас было шесть человек. Когда мы ехали, чувствовал себя посвободнее, общались. У одного, фамилия Харитонов, лицо — сплошная гематома. Видел, привезли парня и стали избивать. Спрашивали, помогал ли он в проведении референдума. Он ответил: “Да”. Его обвинили в том, что он сепаратист. Ополченцев избивали, слышал, что на крюк сажали. В СБУ есть такая практика: признаешь себя виновным — прокурор просит для тебя минимальный срок. У многих нервы не выдерживали, и они соглашались».

Ополченец ДНР Д. Бусарагин рассказывает, как его пытали в украинском батальоне «Донбасс»: «Избивали ногами по голове, грудной клетке, спине. Стреляли возле лица».

Ополченец Сергей Параца рассказывает, как его пытали сотрудники СБУ и затем передали в подразделение батальона «Донбасс», которым руководил наемник из Грузии: «Вывозили в лес, били и стреляли из автомата над головой. На допросах в СБУ били каким-то металлическим предметом. Потом сотрудники СБУ передали меня в Днепропетровск батальону “Донбасс”. Главный у них был грузин — наемник в звании полковника». Ополченец Ярослав Яровой рассказывает, как его избивали и душили: «Меня начали душиить и нанесли несколько ударов рукояткой пистолета по голове в область затылка. Увезли в горотдел милиции Северодонецка. Сняли футболку и стали бить в область грудной клетки ногами. Били резиновой палкой и запугивали, что проткнул ногу ножом. Избивали и душили».

Василий Харитонов, ополченец ДНР, захваченный в районе с. Петровское 18 августа, свидетельствует: «Украинская военная колонна увидела нашу машину и начала ее расстреливать. Нас схватили, надели наручники, закинули в БТР. По дороге две машины мирных жителей ехали навстречу, их расстреляли с БТР. Один пацан остался жив, его тоже захватили, связали и бросили в машину. Привезли на базу нас и мирных жителей. Били молотком по пальцам, коленям, копчику. Разбили голову, сломали пальцы. Угрожали на кол посадить, угрожали отрезать бензопилой ногу и руку. На ночь меня прицепили к дереву, подошел их главный с молотком и стал у меня все расспрашивать. Я сказал, что не знаю. Он ударил молотком по ногам. Потом в яму уволокли. Двух отправляли на минное поле. Было семь взрывов. Меня собрались расстрелять. Сказали молиться. Я попросил, чтобы мне освободили руки, это мое последнее желание. Он меня спросил, знаю ли я, какой сегодня праздник. Я ответил, что да, Спас. Он сказал, что мне повезло, и этот день можно считать моим вторым днем рождения. Меня отвели в яму, там цепи висели. Потом дал показания на камеру».

История известного на Украине тренера П. Б. Гилева размещена в интернете. Приведем его рассказ: «Я тренер. У меня создана общественно-спортивная организация. Я начал участвовать в соз-

дании Донецкой Республики. Они (украинские военные — *Прим. ред.*) знали, что я еду в автобусе, вывели меня, это было чистой воды похищение. Вытащили из автобуса, кинули меня на землю... мешок на голову, руки были связаны, и о том, что меня передали в “Правый сектор”, я узнал чисто из разговоров. А те что хотели, то и делали, это садисты. Они получают удовольствие от того, что тупо бьют людей, то есть видя, что человек страдает, унижают его конкретно, я даже не знаю, что они от меня хотят. Что хотели, то и говорят, сами же себе на вопросы отвечали, не просто били, а тупо калечили.

Я там был не один. Нас всех там несколько раз расстреливали, но одного все-таки застрелили. Выводили просто, кто-то побежал, и его застрелили.

Они особо не церемонятся. Для них человеческая жизнь — пустое место, пустой звук. Они за это не несут ответственности — ну застрелили и застрелили. У них никто не спрашивает: “Зачем ты это сделал?” То есть люди что хотят, то и делают. Эта банда не только проблема Украины, которая ни с кем и ни с чем не справляется. Хотелось бы, конечно, чтобы международная общественность услышала. Потому что когда они побегут, они побегут в Европу все. Они почувствовали вкус крови, они не умеют никому подчиняться, никаким законам вообще. Для общественности, для мирного населения Европы это будет большая и очень серьезная проблема.

Особую радость у них вызвало, когда они узнали, что я тренер по карате, чемпион мира, чемпион Европы. Тут они, конечно, с огромной любовью уже кинулись меня истязать. Их, по-моему, бесило, что я все время вставал, и они не знали, что со мной делать, и тогда уже в ход пошли биты, приклады, холодное оружие. Они через каждые 25–30 минут приходили и по полчаса избивали, просто так, просто ради какого-то дьявольского эксперимента.

Потом уже меня забрал другой батальон. И знаете, как забрали? Просто руки назад связали, надели мешок также. Я, честно говоря, даже не знаю, как я выжил. Кинули мешок на заднее сиденье, сверху сели — и вот таким образом несколько часов везли в Днепрпетровск. То есть первые три дня я сам не мог ни встать,

ни ложиться. Меня под руки водили, там сокамерники помогали мне, я дней пять ничего не ел.

...В СБУ было тяжело, потому что были провокации. В своем подвале они приковали наручниками к трубам. Там не было ни туалета, ничего. Был человек, который приходил, один раз кормил. Вот это вот на бетонном полу, прикованные к батарее, еще двое суток сидели.

СБУ не церемонятся ни с кем, они калечат людей, потом уже трудно человека в чем-то обвинять, что он что-то рассказал, не каждый человек может выдержать эти пытки. Я знаю, что одна семья, это учительница по русскому языку, к ней просто приехали, вытащили из квартиры, и все».

Актер и драматург Юрий Юрченко, живущий во Франции, стал военным корреспондентом и был захвачен украинским батальоном «Донбасс». В сокращенной форме приведем его рассказ журналистам: «Утром 10 июня 2014 года я приехал в Донецк. Там стоит палатка, где записывают в ополчение. Я записался. Там было еще несколько добровольцев. Потом нас построили и повели. У меня было такое чувство, что я иду умирать. Я же воевать не умею. Я даже в армии не служил. Но и другого выхода для себя я не вижу. Так я и стал ополченцем.

Когда погиб Андрей Стенин, мой товарищ, с ним погибли два военкора — Андрей Вячало и Сергей Коренченков. Я случайно не оказался с ними в той машине, обычно мы вместе ездили. Коренченков (позывной “Корень”) жил со мной в одной комнате. Стенин сидел в машине сзади, а впереди — два военкора в военной форме, с автоматами. Машину расстреляли пьяные нацгвардейцы. Они в тот день устроили засаду на дороге. Когда увидели, что в машине журналисты, они ее оттащили подальше и подожгли. Поэтому Стенина так долго искали... 95 процентов западных корреспондентов приезжают уже с готовым шаблоном в голове, реальность их не интересует... В плен меня взяли 19 августа утром. Ребята говорят: вот его надо подбросить в Иловайск. Я сажусь сзади. Они едут. Вижу, они едут как раз по той самой дороге через Зугресс. И тут вдруг

начинается шквальный автоматно-пулеметный огонь. Выходим из машины, нас тут же бросают на землю. Руки связывают сзади. И после этого начинают людей со связанными руками избивать. Прикладами, ногами, по голове, колют ножами, штыками. У меня по лицу течет кровь... Вижу, идет какой-то иностранец в натовской форме, каске, по внешнему виду сильно отличается от украинцев. Говорит с акцентом. Подходит ко мне и говорит: "Я из-за тебя, сука, в Нью-Йорке бизнес бросил!" И с размаху меня бьет. Иностранец командует: "Бегом через мост!" Гражданин США с украинскими корнями, бизнесмен... Другой амбал, позывной "Семерка", сразу свалил меня на землю и начал бить сапогами по ребрам. Тут и другие подскочили. Я чувствую, что ребра сломаны. И вижу, как новый сапог летит в мою уже поломанную грудную клетку. Хочу встать на ноги — и понимаю, что не могу. Грудь так болела, что я не заметил, как саданули по ноге — то ли прикладом, то ли еще чем...

Потом всех отвели в школу. Там был такой железный шкаф для инструментов. Темно, ничего не видно, пыль, грязь. Присесть не на что. Дышать невозможно. А у меня лицо все залито кровью. Но я спасся от того, что пережили остальные ребята. Я слышал, как их гоняли по двору. Заставляли бегать на четвереньках, кричать: "Слава Украине! Героям слава!", "Украина понад усе!" Это же точная калька с Deutschland über alles. После этого они еще говорят: "Где ты видел здесь фашистов?" А это что вы делаете? Рядом с нашим шкафом были школьные мастерские, класс труда, где верстаки на столах. Ребят завели в этот класс, и я слышу: "Решай, что тебе отрезать: яйцо или палец? Палец или яйцо? Палец или яйцо, ну?" Я потом узнал: они у старшего группы мошонку положили в тиски, а другого, водителя, заставили крутить. Шесть суток мы пробывали в шкафу вдвоем с ополченцем, словаком Миро...

Меня вызывают на первый допрос. Смотрю, сидит грузин, Ираклий Гургенович, фамилии не знаю. Он в батальоне "Донбасс" служит консультантом по разведке. Потом я узнал: он 22 года в разведке, с 18 лет воевал в Абхазии, Осетии, за рубежом. Учился в Штатах. При Саакашвили занимал крупный пост в Грузии...

И вот они готовятся отходить. Опять кто-то дает команду: “Пленных расстрелять. Но сначала оденьте их в военную форму”. И тут вдруг опять появляется Иракий. Он просто забросил меня в легковую машину...

В городе Курахово нас всех бросили в подвал. В любой момент охрана могла ворваться, избить прикладами. Ребят заставили ложкой выцарапать на стене гимн Украины, выучить его наизусть. И когда те заходили, ребята должны были его исполнять. Должны были кричать “Слава Украине!” Там был один повар-садист. Он часто заходил и избивал ребят. Как-то он и мне разбил голову в кровь. Меня ввели к врачу, и сопровождающий на минуту отошел. Я стою на костылях у стены. А повар сверху заглядывает: “Ну что? Слава Украине?” Я молчу. Он тогда меня бьет по голове бутылкой, полной воды. “Слава Украине?” У меня кровь течет... Там был один следователь. Очень эрудированный, образованный. Цитирует Юнга, Фрейда, Ницше, “Майн Кампф”. Исповедует идею сверхчеловека. Он профессионал. Специалист по психологической обработке пленных... он говорит: “Эти твои ребята без проблем напишут все, что нам нужно. Что ты был главным, что они были твоим сопровождением, что ты был до зубов вооружен. Мы сделаем тебя интернациональным супертеррористом и будем выставлять Франции в обмен на наши требования. Мы получим от нее все, что хотим. А если не договоримся, то ты просто сохнешь в этом подвале”...

Обмен делал лично Иракий. Конечно, обменяли меня не слабо — на троих, на одного грузина и двоих командиров “Донбасса”. А потом один из обменных офицеров, его фамилия Чайковский, позывной “Артист”, на пресс-конференции в Киеве сказал, что их обменяли на группу военнослужащих Российской армии».

Дмитрий Пропахайло рассказывает: «Был взят в плен на украинском блокпосту. Меня привезли куда-то и закрыли в контейнер типа холодильника, там рыбу держали. Продержали там двое суток, а потом перевели в ангар. А там начали бить по почкам, били в основном ногами. Сказали, что якобы при мне было обнаружено удостоверение ДНР, патроны 5х45 калибра. Потом вместе с еще

одним человеком погрузили в багажник, привязали за наручники к запаске. Привезли в Волноваху и там снова избивали. Потом нас привезли в Мариуполь на СБУ, кинули в подвал. Потом снова начали избивать. Потом отвезли в изолятор временного содержания. После этого никто на допросы не вызывал, никто не приезжал и вопросы не задавал. Потом просто осудили».

Ополченец Сергей Шерловцов рассказывает о провокации сотрудников СБУ, которые с его участием имитировали обстрел батальона Украинской армии, называясь сотрудниками Федеральной службы безопасности России. После организованной провокации они перестали скрывать свою принадлежность к СБУ и стали подвергать захваченного и его сына избиениям. Угрожая убийством сына, они заставили ополченца признать в суде все обвинения. Потерпевший Сергей рассказывает: «В середине августа меня с сыном схватили из СБУ шесть человек, завязали глаза, руки и закинули в машину. Так завязанным они возили по городу, потом за город вывезли, что было слышно по звуку, потом завезли в ангар заброшенный. Они представились сотрудниками ФСБ, якобы они спасают нас от СБУ. Сказали, что доставили нас якобы к подполковнику русской армии. После этого нам снова завязали глаза и руки и увезли в какую-то лесистую местность, где мы находились до глубокой ночи. После этого нас с сыном снова посадили в одну машину их оперативников, продолжая ту же игру. Мы проехали около ста километров, и нам с сыном развязали глаза и руки, сказали, что у них операция, в которой они хотели обстрелять украинский батальон. Один из них достал из багажника гранатомет и сел на переднее сиденье, мы еще метров 700 проехали по каким-то закоулкам. Потом раздалась стрельба в воздух из автоматов, распаивается дверь, нас с сыном выкинули наружу и начали бить. Там уже была подготовлена рампа световая, как для профессиональной съемки, сделали с нас несколько кадров. Надели мешки на голову, бросили на бетон, начали избивать ногами, ломали руки.

Потом они все уже появились как следователи СБУ. Задали только один вопрос: «Ты хочешь, чтобы сын остался живой?» Я ска-

зал, что естественно. Они сказали: “Тогда ты подпишешь протокол о задержании”. Я сказал: “Придется”. Протоколы у них сразу были готовы. Подписали, и нас повезли сразу в СБУ. Утром пришел следователь, вопросов задавал мало. Фактически все, что у них по делу, уже все было готово.

Сказали, что главное на суде, чтобы я молчал и их не оспаривал. Судья назвала меру, и отвезли нас в СИЗО. До этого еще к нам подошел следователь и сказал, поскольку у нас с вами нет конфликтных ситуаций, мы к вам будем лояльны».

Захваченный украинскими войсками 8 августа 2014 года Николай Смирнов рассказывает: «Мы ехали на машине с товарищем, нас остановили вооруженные люди с автоматами, положили на асфальт и надели мешки на голову, посадили в машину и увезли.

Скорее всего, мы были в Краматорске. У них там военная база стоит, аэродром. Постоянно что-то жужжало, скорее всего, вертолеты. Нас периодически выводили, избивали, пугали: “мы вас расстреляем”, “прострелим ногу”, “отдадим командиру, у которого погибло много солдат; они вас там убьют”.

По дороге еще был случай: когда мы выезжали, нас было шесть, у одного не было документов, а им сказали, что без документов там не примут. Скорее всего, они говорили о Харькове. Посередине дороги его вывели, потом послышалась автоматная очередь, после чего нас опять закрыли, машина завелась, и мы поехали дальше.

Выламывали руки, били ногами, руками по почкам, по печени. Одного товарища, который ехал с нами, после того, как мы уже приехали в Харьков, сразу забрали в больницу, в реанимацию. Ему сделали операцию и потом привезли назад в СБУ».

Ополченец Виталий Валениук рассказывает об избиениях, которые украинские военнослужащие называли «распаковка» и «перепакровка»: «5 июля 2015 года я был у себя в магазине. Вдруг врываются люди в камуфляжной форме, с пистолетами с вопросом: “Где Дима?” Не объясняя, какой Дима, начали говорить: “Выходи из-за прилавка, сейчас стрелять буду”. Приставили к голове пистолет, говорят: “Сейчас я тебя пристрелю, говори, где телефон”. Начали изымать теле-

фоны, планшет, ноутбук, регистраторы, деньги с кассы, пополнения для телефонов. Затем спросили документы, права на машину, ключи от машины изъяли. Надели мешок, забросили в багажник, скотчем связали руки и увезли. Только привезли, сразу вытащили с багажника и начались избиения, били ногами, били в голову. Я потерял сознание, пришел в сознание, когда уже начали затаскивать в вагончик. На следующий день нас вывели из вагончика, поставили на колени, сняли мешки с головы, перед нами лежал целый арсенал оружия, то есть на камеру снимали это все и говорили, что это боевики ДНР.

Затем опять мешки надели, повели к вагончикам, кто хотел, тот бил по пути — по почкам, по ногам. Вечером — избиение, это у них называлось “распаковка”, нас начали в яму затаскивать. Под дождем мы просидели ночь, день. Периодически туда спускался солдат, мог ударить по почкам — это называлось “перепакровка”, скотчем утягивали».

Ополченец Юрий Бондаренко свидетельствует: «Маршрутка привезла меня на блокпост Национальной гвардии. Я видел, черненький хлопчик лет до двадцати, он был раздет, весь синий, побитый, лица нет, а все тело в синяках, у него все дрожало. И они выстрелили в него. Подошел сзади офицер — он ими всеми командовал — и выстрелил в висок. А меня то били, то подвешивали сзади. И так я там пробыл трое суток.

А потом привезли еще четырех хлопцев, их начали сильно бить и периодически не забывали про меня. Как-то загрузили нас всех в машину грузовую, она вся железная и жарко в ней, что дышать нечем. Покатались минут двадцать, я начал терять сознание, одно легкое ребро проколело. У одного деда даже лопнула диафрагма и кишки вывалились. В СБУ уже не били. Медицинскую помощь не оказывали. Только если сознание теряли или видят, что он уже все. У меня ребра внутрь вросли. Верхних сторон больших пальцев я вообще не чувствую. Голова была и все тело синие. Там вон из Луганска привезли хлопчика, батальон “Айдар” его взял. Он синий весь, полностью весь, один большой синяк. И с нами хлопчик приехал, его пытали — и ногу прострелили, и палец надрезали. Мужики

рассказывали, что и по минному полю наших пацанов там пускают. Из десяти человек половина остается там».

Пострадавший Денис Балбуков свидетельствует, как в течение пяти дней его пытали сотрудники СБУ в Краматорске: «Изначально просто избивали, сломали два ребра и правую ногу, далее начали якобы расстреливать. Били электрошокером, пока не терял сознание. После этого приводили в сознание холодной водой и продолжали до очередной потери сознания. В СБУ пытали 5 суток. После чего отвезли на аэродром Славянска, привязали к БТР и заставляли бегать за ним. Когда падал, начинали избивать».

Арестованный 20 июня 2014 года сотрудниками СБУ Алексей Лукьянов рассказывает: «Меня схватили неизвестные люди в форме милиции. Заломили руки, лицом в асфальт, нанесли несколько ударов по голове, по корпусу, мешок на голову, засунули в машину, привезли. Я так понимаю, это база СБУ, замаскированная под автомойку, где несколько дней осуществляли допросы с пристрастием, избияния, моральное давление и унижение.

Потом посадили в джип и отправили под Славянск, село Евгеньевка, где был их штаб и по совместительству фильтрационный лагерь. В данном фильтрационном лагере располагалось два кунга, которые служили местами временного заключения, это машины с будками небольшой вместительности с площадью примерно 16–20 кв. м. Там я провел больше двадцати дней, каждый день менялись люди, добавлялись новые, в среднем там люди проводили по пять-семь дней.

Избияния были регулярные, меня поднимали ночью, выводили из этого кунга и отводили на допрос к военным. Ты выходишь в наручниках, а на голове у тебя мешок. Сажает тебя на стул, и с разных сторон задаются вопросы, а потом начинают бить по голове.

Условия содержания, конечно, в фильтрационном лагере — это просто кошмар, потому что абсолютно все время ты сидишь с мешком на голове либо в целлофановом пакете, который замотан скотчем вокруг глаз, в наручниках, потом наручников стало

не хватать, стали стяжками связывать руки, пальцы. Ну, конечно же, затягивали все очень плотно, туго. Самое плохое — это, бывало так, что набивали в этот кунг людей до предела — на 20 кв. м сидели 17–18 человек. Ты даже лечь не можешь, и это на протяжении нескольких дней. Когда людей становилось много, переставали людей выводить в туалет, ставили ведро в углу, все мочились в это ведро.

Еще засовывали в яму. Была выкопана яма метров пять и туда водили — бывало, всех вместе, бывало, поодиночке. Там, бывало, несколько дней сидели в яме, под дождем, по щиколотку в воде.

Потом меня перевезли в изолятор СБУ. Это уже камеры, гораздо более комфортабельные, гораздо опрятнее, кормили. Оперативники СБУ, конечно, творили очень много того, за что им придется отвечать. Когда надо было ехать в суд, у меня на футболке были следы крови после “бесед”, но, конечно, футболку заставили снять и надеть рубашку, чтобы ничего не было. На суде мне дали меру пресечения, и я отправился на СИЗО, потом обмен».

Пострадавший Владимир Безымянный рассказывает, как сотрудники СБУ сломали у него ребра и запрещали госпитализацию: «23 октября был задержан Одесским областным управлением СБУ. После задержания подвергался физическому воздействию — избиению ногами и прикладами автомата. В результате избиения были сломаны ребра и поврежден позвоночник. На протяжении нескольких дней почти не мог передвигаться. Был направлен в больницу, где меня хотели госпитализировать, но сотрудники СБУ запретили.

Также мне угрожали, что передадут в штаб “Правого сектора” адрес проживания моей семьи».

Председатель гуманитарного фонда Алла свидетельствует: «Нас задержала Национальная гвардия по какому-то списку. Возможно, что-то у них на меня было лишь потому, что я помогала жителям. Они меня быстренько “руки на капот”, надели кулек на голову, плотно перемотали — передавлена была сильно вена, дня три я не могла шевелить головой. На просьбу о том, чтобы облегчить страдания, что у меня голова вот-вот лопнет, они мне сказали:

«Сдохнешь ты, сепаратистка. Знаешь, сколько вас тут закопанных валяется?»

В итоге нас привезли на аэропорт Краматорска. Там было такое, что я за всю жизнь не смогла бы придумать в страшном сне. Издевались — не то слово. При мне избивали мужа по печени, для того чтобы я сказала, что Россия спонсирует оружием, чего нет на самом деле. Как поступает Национальная гвардия? Надевает кулек и душит женщину, у которой сахарный диабет, которая просит попить, они говорят: «Мы тебе сейчас мочи дадим».

Там было такое жуткое, что даже, честно сказать, страшно вспоминать обо всем, просто страшно. Потом нас повезли в Изюм и приковали к какому-то турнику. Три дня мы в наручниках спали, и нам там дали кусочек хлеба за все время. Потом перевезли на Харьковскую СБУ, поместили в камеру, там было более или менее».

Гражданский активист Ольга Селецкая рассказывает: «С марта 2014 года я принимала активное участие в митингах в Мариуполе, была комендантом палаточного городка у горисполкома. Занималась подготовкой и проведением референдума в Мариуполе.

Была арестована в Мариуполе батальоном «Азов». Сразу после ареста была вывезена с мешком на голове в район п. Речной на расстрел. Автоматная очередь была выпущена над головой. После этого была отвезена в Мариупольский аэропорт, где из меня пытались выбить показания путем надевания целлофанового пакета на голову, не дающего поступать воздуху. Использовали электрошокер, хотели бросить в яму с трупами. Запугивали расправой с моим ребенком и моими родными.

В этот же день вечером вывезли на блокпост Мангуш — Мариуполь, куда были приглашены следователи СБУ. Они заставили меня написать объяснительную, как будто я ехала на автобусе из Бердянска и была высажена бойцами Нацгвардии с пакетом патронов и техпаспортом от инкассаторской машины Приватбанка. После этого меня отвезли в СБУ и в течение трех дней со мной работала контрразведка, штаб АТО и следователи СБУ. Через три недели ко мне начали применять допросы с пристрастием. Надевали тем-

ный пакет на голову, связывали руки, били тяжелым предметом по ногам, по спине. Иногда применялся электрошокер. И водой, когда теряла сознание, поливали водой».

Ополченец Виктор Савин рассказывает о том, каким именно пыткам его подвергали украинские силовики: «Ко мне применялись такие виды пыток: 1) застегнув руки за спиной наручниками и надев мешок на голову, клали на спину, накрывали рот мокрой тряпкой и лили воду на нее. Когда я захлебывался, меня переворачивали на бок и вода выходила, я мог дышать. Так повторялось несколько раз; 2) выбили передние зубы; 3) подвесив за руки на трубе, заставили открыть рот и всунули тряпку. Зафиксировав голову руками, стали пилить зубы напильником; 4) подвесили на трубу и пытали электрошокером».

Ополченец Петр Хохлов, захваченный Украинской армией около Луганска, тоже рассказывает об избиениях и попытке захоронения заживо в яме: «Нас захватили, отвезли в аэропорт и начали допрашивать и избивать. Потом повели в другую комнату, посадили на стул и что-то вкололи, потом я помню только, как у меня спросили фамилию, имя, отчество, а дальше как будто память отрезало».

Потом нас отвезли в Краматорск. Там нас избивали, били по пяткам. Потом вырыли яму и начали лопатой сбивать туда в яму, бросать.

Хотели закопать живьем».

Потерпевший Дмитрий Нырялко рассказывает, как в батальоне «Галичина» его закапывали живым в яму, имитировали расстрел, поджигали надетый на его голову мешок: «2 августа 2014 года в одной футболке, шортах и шлепанцах, без оружия меня схватила Национальная гвардия. Сразу на голову мне был надет мешок, руки — в наручники, ноги — в хомут. Привезли, кинули в яму, сказали: “Молись”. Стреляли из автомата возле уха, поджигали мешок, на левое ухо я стал плохо слышать».

Потом за мной приехали, я не знаю, кто они такие, но слышал — из “Правого сектора”. Повезли с мешком на голове в Сла-

вянск, кинули в яму, еще раз пытались расстрелять. Представились батальоном “Галичина”. У меня был паспорт при себе, они паспорт порвали, кинули в яму, меня в эту яму кинули следом и начали закапывать. Закопали прямо по шею, потом подошел старший, дал им команду, и они меня вытащили. Потом отвезли в изолятор временного содержания в Харькове и на обмен».

Покупавший еду ополченцам Донбасса Николай Аришин был подвергнут за это пыткам. Он рассказывает, как его пытали электрошокером и заставляли на коленях петь гимн Украины: «С середины апреля 2014 года я осуществлял помощь ополчению — покупал продукты, топливо. Брала меня дома в квартире рано утром, часов в 6–7. В задержании участвовали 5–6 человек в масках и с автоматами. Привезли в аэропорт Краматорска. Около двух суток меня избивали разными предметами, шлангами, трубами, лопатами, пытали электрошокером, просто били. Все время заставляли петь гимн Украины и при этом стоять на коленях. Не допрашивали, а именно пытали, стоя на коленях, заставляли петь гимн Украины, при этом били битами, ногами, по рукам, по пояснице, по ягодицам. Несколько раз взводили курок на пистолете Макарова, имитировали выстрел.

Потом запирали в очень маленьком помещении без света. В туалет ходить только в пластиковую бутылку. Спал я на бетоне. Я пожаловался на больные почки, что мне нельзя переохлаждаться. С меня тут же сняли куртку и свитер. Угрожали, если я не дам показания, то они арестуют жену и будут пытать ее и насиловать».

О пытках и принуждению петь гимн Украины на коленях заявляет также пострадавший от пыток украинских силовиков Сергей Евтищенко: «13 октября 2014 года я находился дома. Вышел поговорить с товарищем, который попросил мой телефон позвонить. Через 20 минут после звонка около нас остановилась машина, из которой вышли три человека и арестовали нас. Нас доставили в СБУ Краматорска. Меня сильно избивали втроем, били электрошокером и подручными инструментами — черенок от лопаты и металлическая труба. Они хотели, чтобы я пел гимн Украины,

стоя на коленях. Меня выводили во двор и стреляли над головой. При этом кричали, что если я не напишу то, что они скажут, то они будут мучить мою семью и родных. Я подписал».

УДК 323.28
ББК 67.400
Ф 77

Ф 77 Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение. Второй доклад. — М. : Фонд исследования проблем демократии, 2015. — 144 с.

УДК 323.28
ББК 67.400

ISBN 978-5-903882-05-2

© Фонд исследования проблем
демократии, 2015